

ДЕРЖИ МЕНЯ КРЕПЧЕ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Ольга Рязанцева

Татьяна Полякова
Держи меня крепче

«ЭКСМО»

2008

Полякова Т. В.

Держи меня крепче / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2008 — (Ольга Рязанцева)

ISBN 978-5-699-27755-1

В жизни Ольги Рязанцевой по-прежнему царствуют трое мужчин... Один – первая любовь и босс, второй – ее муж и любовь настоящая, а третий... бывший любовник. Она всеми силами старается забыть его, но он не дает это сделать... После трагедии, случившейся с ней полода назад, Ольга вышла замуж за Тимура Тагаева. Не успела она зализать раны, как снова попала в передрагу. Началось с того, что босс велел ей разобраться в гибели жены нового кандидата в мэры. Она утонула в собственном бассейне. В этом деле слишком много транностей, и Рязанцева со свойственной ей страстью ищет компромат на кандидата. А тут еще за Ольгой начинается слежка, враги ее бывшего любовника уверены: рано или поздно она выведет их на Лукьянова. Люди мужа тоже висят у нее на хвосте для подстраховки. Ее обложили со всех сторон! Ольге, наконец-то, нужно сделать последний и самый главный выбор...

ISBN 978-5-699-27755-1

© Полякова Т. В., 2008

© Эксмо, 2008

Татьяна Полякова

Держи меня крепче

*Я знал одну женщину,
Она всегда выходила в окно.
В ее доме было десять тысяч дверей,
Но она всегда выходила в окно.
Она разбивалась насмерть,
Но ей было все равно.*
«Тутанхамон», «Наутилус»

Однажды он мне его показал. В тот день я болталась по торговому центру, выбирала Ритке подарок. Направилась к эскалатору на втором этаже, откуда-то вывернул парень в темной куртке, в надвинутой на глаза бейсболке, задел меня плечом, буркнул «извините» и пошел дальше. И я, кивнув в ответ, мол, нет проблем, задел и задел, со всяким бывает, вдруг ощутила толчок, но в сердце, и замерла, глядя ему вслед и чувствуя, как все внутри холодеет и сворачивается в тугой клубок.

Парень успел удалиться на десяток метров, обернулся под моим растерянным взглядом, лихо улыбнулся и помахал рукой. Жест этот можно было при желании расценить как прощальный, а можно и по-другому: он вроде бы предлагал следовать за ним, торопя и подбадривая: «Ну что стоишь, давай шевелись». Когда он повернулся, я увидела на его груди что-то вроде рюкзака, откуда торчала детская головка в смешной шапочке с ушками. И в это краткое мгновение разрозненные элементы вдруг сложились, точно кусочки мозаики, в разноцветное панно: парень в бейсболке, под которой он прятал лицо, и его лихая улыбка, и этот жест, но главное, главное – ребенок, которого он нес на груди, прижимая к себе... мой ребенок, потому что в ту минуту я не сомневалась, что поспешно удаляющийся парень – это Лукьянов.

– Саша! – заорала я, не помня себя, и бросилась за ним. Он свернул к лифту, ускоряя шаг, и через мгновение растворился в толпе, а я бежала следом, толкала спешащих людей и орала не переставая: – Саша! – Народ расступался, глядя на меня, точно на безумную.

Я и была безумной. Добежала до лифта и бестолково заметалась по длинному проходу, пока лифт спускался вниз, и, перевесившись через перила, вновь увидела на первом этаже его... парня в темной куртке, выходящего из кабины, и опять бежала, теперь уже к эскалатору, а потом перемахивала через три ступеньки, на ходу сбросив сапоги и проклиная человека, придумавшего обувь на высоком каблуке, и глянецовую плитку пола, и эту проклятую толпу, в которой так легко затеряться.

Я металась по первому этажу, люди шарахались в разные стороны, и Саша среди них не было. А потом я его увидела на нулевом этаже, недалеко от выхода на парковку, и, зная, что не успею добежать ни до лифта, ни до эскалатора, перемахнула через ограждение, собираясь прыгнуть вниз, и тут же почувствовала чьи-то руки на своих плечах.

– Да она сумасшедшая! – вопил кто-то.

Я лежала на плиточном полу, двое дюжих парней держали меня, навалившись сверху, и перед тем, как потерять сознание, я еще раз увидела Сашу. Он стоял в лифте, опираясь ладонью в стеклянную стенку, и без улыбки смотрел на меня.

Очнувшись, я боялась открыть глаза. Лежала, сцепив зубы, не зная, где я, с одной мыслью: «Что теперь будет? Что будет, если Тимур узнает? А он непременно узнает о моей сумасшедшей выходке в торговом центре. Найдутся доброхоты, донесут». Я так старательно удерживала его от безумия, твердила: «Ребенок мертв», – а сама... сама сорвалась.

– Ну, вот, все в порядке, – услышала я чей-то голос и нехотя открыла глаза. И первым, кого увидела, был Тимур. Он сидел рядом, коснулся ладонью моего лица и улыбнулся.

– Привет, – сказал тихо.

И я ответила:

– Привет. – И заревела, наплевав на женщину в белом халате, что стояла рядом, на каких-то незнакомых людей, толпившихся за ее спиной, ревела, прижимаясь к его ладони, бормоча, как в бреду: – Все нормально.

– Поедем домой, – сказал он, и я с трудом поднялась, оглядываясь и пытаюсь понять, где нахожусь. Кабинет администрации торгового центра. Парни, что успели схватить меня, не дав прыгнуть вниз, как выяснилось позднее, были охранниками, приставленными ко мне Тимуром. Они вызвали «Скорую» и позвонили Тагаеву. Наверное, искренне считали, что поступают правильно. Жаль, что я не прыгнула вниз, переломав себе ноги и шею в придачу. Это все-таки лучше, чем видеть его лицо, бледное, с вымученной улыбкой, и знать, что он сейчас чувствует. Бессилие для таких, как он, невыносимо, а невозможность защитить тех, кого любишь, способно попросту убить. Это страшная боль – быть рядом и не иметь возможности помочь. «Молчать, молчать, – твердила я, тупо разглядывая свои сапоги, что стояли возле дивана. – Если я скажу, что видела ребенка у Саши на руках, Тимура не удержать, не удержать от напрасных поисков, от бессмысленной надежды, от бесконечной боли. Молчать. И страдать в одиночестве. Я буду жить, сцепив зубы, и он, прекрасно зная, что происходит со мной, замкнется в себе, и все повторится: не будет нас, будем я и он, наедине со своим горем. Ты этого хотел, Саша?»

Тимур помог мне обуться, а потом подхватил на руки и понес из кабинета, прижимая к себе и пряча лицо в моих волосах, охрана шла следом, один из парней нес мою шубу, второй – сумку, оба старательно отводили взгляды. А я, обхватив Тимура за шею, вдруг сказала:

– Знаешь, я счастлива. – Он вскинул голову и посмотрел на меня, и стало ясно: внезапно пришедшие мне на ум слова были самыми правильными. – Я люблю тебя и счастлива, – повторила я и улыбнулась. – Не отпускай меня, ладно? – И он нес меня на руках до самой машины, и лицо его приобрело умиротворенное выражение, которое я замечала лишь, когда он спал, прижимаясь ко мне в полумраке спальни.

Я оказалась на заднем сиденье машины, и он был рядом, все еще обнимая меня, а я вздохнула, как будто после долгой дороги вернулась домой, и в самом деле почувствовала себя счастливой, ощущая его руки и тепло его тела. В квартиру мы вошли обнявшись.

– Хочешь чаю? – спросил Тимур, я кивнула, направились в гостиную, где на диване лежал мой пес, погладила его и буркнула:

– Твой Лукьянов дурак. Все будет по-другому.

Сашка при этих словах посмотрел недовольно, зевнул и устроил морду на вытянутых лапах.

Тимур вернулся из кухни и сел рядом, машинально почесал пса за ухом, глядя куда-то в пол. «Он ни о чем не спросит, – поняла я. – Он будет молчать...»

– Я... я его видела, – первые слова дались мне с большим трудом. – То есть мне показалось, что это он. Парень в темной куртке, бейсболка надвинута на глаза... у него был ребенок. Я могла обознаться. – Тимур кивнул. – Не молчи, – попросила я.

– Ты могла обознаться, – согласился он.

– Или нет. И это действительно был Лукьянов, – нахмурившись, сказала я. – Он хотел, чтобы я его увидела. Увидела ребенка. Он намерен продолжать игру. Только у него ничего не выйдет.

– Вопрос, как долго ты все это выдержишь, – со вздохом заметил Тагаев.

– Я выдержу. Если ты будешь рядом, выдержу. Помнишь, что ты мне обещал?

Он опять вздохнул.

– Помню. Я все помню. Но...

– Не знаю, где он взял ребенка, – торопливо заговорила я. – Это могла быть просто кукла, понимаешь? Мне стыдно, что я... я вела себя глупо. Сегодня он может собой гордиться – добился своего. Но второй раз повода радоваться у него не будет. Обещай мне, Тимур.

– Я сделаю все, что ты скажешь, – ответил он. – Больше всего на свете я хочу убить эту сволочь... вру, – усмехнулся он. – Больше всего на свете я хочу видеть тебя счастливой. Значит, я забуду о нем. Забуду, что хочу убить его и что он вообще есть на свете. Только... – Он резко отвернулся, не желая продолжать, но я знала, что он хочет сказать этим «только».

– Мы справимся, вот увидишь, – твердо сказала я, поражаясь своей уверенности.

– Конечно, справимся, – кивнул он, обнял меня и добавил тихо: – Я рад, что ты рассказала... – И в тот момент мне стало ясно: он боялся того же, что и я, молчаливого страдания в одиночку, невозможности пробиться сквозь эту боль, которая несет в себе одно отчуждение.

С того дня кошмар, преследовавший нас последние три месяца, внезапно кончился. Больше не было ночных звонков по телефону, когда я слышала, как в трубку плачет ребенок. Мой ребенок, которого я считала мертвым [Подробно об этой истории читайте в книге Т. Поляковой «Леди Феникс», издательство «Эксмо»], в чем Лукьянов все три месяца пытался меня разубедить. Отошли в прошлое долгие консультации с самыми известными врачами, твердившими в один голос, что сохранить ребенка при полученных мною травмах было невозможно. Но, даже если допустить, что он каким-то образом выжил, после преждевременных родов ему бы потребовалась серьезная помощь, специальные аппараты и прочее, чего не было и быть не могло в клинике, где я очутилась. «Это невозможно», – повторяли они, и я им верила, но, будто заноза, сидело в мозгу: «А вдруг?» Лукьянов и здесь оказался прав, это «а вдруг» не давало мне покоя, сводя на нет все мои старания забыть тот ужас.

Когда Тимур стал жить в моей квартире, на звонки по ночам отвечал он. Как видно, Лукьянова это не устраивало, и он придумал более действенное средство, в результате мы столкнулись с ним в торговом центре. Но после того памятного дня Саша исчез. Не звонил и никак иначе себя не проявлял. Что это было: признание того, что затянувшаяся игра ни к чему не приведет, или Лукьянов собирался преподнести мне очередной сюрприз? Хорошо его зная, я склонялась ко второму. Но ничего не происходило.

И я все реже думала о Саше, а если и думала, то без привычного страха. Иногда, среди ночи, я просыпалась в холодном поту и вдруг понимала: ничего не кончилось. Моя любовь к нему, запутанные отношения в странном любовном треугольнике, где действующими лицами были я, Тимур и Лукьянов, и та боль, которую мы причинили друг другу... Я могла бы решить: он понял, что зашел слишком далеко, и отказался от своих намерений, если бы была способна заподозрить в нем подобное благородство. В своих кошмарах я видела его убегающим, раненым, даже убитым и просыпалась в слезах, и тогда приходила мысль, что его исчезновение из моей жизни связано с обстоятельствами, весьма опасными для него. Человеку, который прятался под чужой личиной, не стоило являться сюда, и страх, что сны мои могут стать пророческими, заставлял меня стискивать зубы. Но и с этим я научилась бороться. Я больше не паялилась в потолок, а прижималась к Тимуру, спеша найти в нем поддержку и утешение, и страх уходил.

Вопреки моим опасениям, наши отношения с Тимуром вовсе не зашли в тупик. Словно по молчаливому уговору, мы избегали недомолвок и с готовностью шли на уступки друг другу. Я вернулась на работу к Деду. Тимуру это вряд ли нравилось, но возражать он не стал. Зато сделал мне предложение. Я его приняла, прекрасно понимая: в сложившихся обстоятельствах отговорки типа «давай подождем» попросту разрушили бы наши отношения. Хотя кое-какие сомнения у меня были. Опять же не ясно, как к этому отнесется Дед, мой бывший любовник и благодетель, а ныне работодатель. Конечно, можно послать его к черту, но я по опыту знала:

это проще сказать, чем сделать. Не так легко вычеркнуть его из жизни, слишком многое нас связывало.

Дед отнесся к моему замужеству как к неизбежному злу. Недавние события и его кое-чему научили.

– Поступай как хочешь, – сурово заявил он, когда я сообщила о своем намерении. – Если тебе интересно мое мнение, ты делаешь глупость.

– С чего вдруг? – усмехнулась я.

– В своем стремлении помочь ему ты заходишь слишком далеко, – отрезал он.

– Помочь? – вытаращила я глаза, хоть и догадывалась, что он имеет в виду.

– Разумеется. Твой Тагаев напоминает натянутую пружину. И если вдруг... впрочем, ты лучше меня знаешь, что будет, если это «вдруг» произойдет. Оттого и вбила себе в голову, что должна быть рядом. Глупость несусветная. Хотя... я тебя понимаю, Детка. Нутро у него звериное, и удержать его от этого зверства можешь только ты. Но меня мутит при мысли о твоей добровольной жертве.

– А тебе не приходила в голову мысль, что я люблю его? – хмуро спросила я.

– У меня в этом большие сомнения. Но тебя я вряд ли сумею переубедить. Жизнь покажет, кто из нас прав.

– Лучше бы ты пожелал мне счастья, – фыркнула я.

– А чего, по-твоему, я желаю, соглашаясь с этим дурацким решением? Ладно, выходи замуж, постараюсь это пережить. А когда ты поймешь... не зыркай с огнем в очах, помни главное: я рядом. И если почувствуешь, что свалила дурака... Надеюсь, ты наплюешь на свою дурацкую гордость и просто скажешь мне об этом, а не будешь страдать, обманывая меня и себя, что совершенно счастлива.

По обоюдному согласию от пышной свадьбы мы с Тимуром отказались. Мне она была не нужна, да и о самолюбии Деда стоило все-таки подумать. Тагаеву важен был сам факт, а не присутствие на свадьбе двух сотен граждан, которые, по большей части, были нам безразличны. Однако он настоял на венчании, и хоть Дед скроил презрительную мину, бросив с неприязнью:

– Вот уж не думал, что он у нас верующий, – я с готовностью согласилась.

Мне будущая свадьба представлялась так: заедем в загс, распишемся, потом отправимся в церковь, где нас обвенчают, после чего поедem домой и поужинаем в одиночестве. Но тут выяснилось, что Тимур представлял себе все несколько иначе. И в загс я отправилась, как и положено невесте, в белоснежном платье, фате и в лимузине. Жених надел мне на палец кольцо с бриллиантом. На внутренней стороне кольца была надпись: «Навсегда». Его кольцо было скромным, но надпись та же. Венчание происходило в кафедральном соборе. С моей стороны присутствовали Ритка с мужем и Лялин с Вешняковым, оба с женами. Приглашать Деда я не рискнула, чтобы не ставить его в неловкое положение. Однако за двадцать минут до венчания он сам явился. Его охрана и охрана Тимура позаботились о том, чтобы посторонних в храме не было. Так что никто не узнал: венец над Тимуром держал Дед, стоя рядом с Риткой, которая держала венец надо мной, при этом по неизвестной причине обливалась слезами. Данному торжественному событию предшествовал десятиминутный разговор моих мужчин с глазу на глаз, в укромном уголке храма, куда Дед удалился под руку с Тагаевым. Что они успели сказать друг другу, мне неизвестно. Но после венчания Дед заявил зловещим шепотом:

– Сделаешь ее несчастной, своими руками придушу.

На что Тимур ответил без намека на почтение:

– Держись подальше от моей жены.

Дед досадливо плюнул и удалился.

Из собора мы отправились в ресторан, который был также оцеплен охраной. Ужин длился часа четыре, присутствующие, как им и положено, произносили тосты, кричали «горько», а мы целовались, как положено жениху и невесте. Гостей было немного, в основном приятели

Тимура, все старательно улыбались, однако на лицах читалось сомнение, высказать которое вряд ли кто решился бы, прекрасно зная характер Тимура.

В разгар торжества я вдруг поняла, что чего-то жду. Еще в соборе я растерянно оглядывалась, высматривая кого-то. А вот в ресторане пришло озарение: я ждала, что появится Лукьянов. Не его ждала, нет. Но была уверена, он такое событие не оставит без внимания. И с беспокойством поглядывала на охрану: что, если они здесь не для того, чтобы избавить нас от досужего любопытства, а совсем по другой причине? Такие мысли особой радости не доставляли, так что желал того Лукьянов или нет, но свадьбу мне он умудрился подпортить. Хотя винить его в этом глупо, раз такими мыслями изводила я себя сама.

В половине десятого Тимур поблагодарил гостей за поздравления и поспешил со всеми проститься. После чего мы отправились к нему, то есть в его квартиру. Осознание того, что мысли о Лукьянове явились ко мне так не вовремя, возмело совершенно неожиданное действие: я решила, что виновата перед Тимуром, и вознамерилась загладить свою вину. Не знаю, о чем думал он, но на мой немой призыв он откликнулся с большим воодушевлением, и брачным ложем нам на время стал паркет в прихожей. Роскошное платье было безнадежно испорчено, зато мы оба чувствовали себя так, точно сливались в объятиях впервые. Под утро, совершенно обессиленная и до неприличия счастливая, я усмехалась, пристроив голову на плече Тимура, потому что за эту сумасшедшую ночь и мое женское счастье смело могла благодарить все того же Лукьянова. Знай он об этом, непременно зашелся бы в хохоте.

На следующий день мы улетели в Рим, но за неделю мало что там увидели, по большей части находясь в постели, как и положено молодоженам, а через десять дней я вышла на работу, и тут начались мытарства сослуживцев. С одной стороны, они считали себя обязанными меня поздравить, с другой – опасались, что поздравления выйдут им боком, ведь они понятия не имели, как к перемене в моей судьбе отнесся Дед. Я в ответ демонстрировала большое счастье, то есть, нацепив улыбку от уха до уха, носилась по коридорам. Разумеется, Тимур мог бы задать вопрос: а почему, собственно, мне столь необходимо работать у Деда? Посадить меня дома он все-таки не планировал, справедливо полагая, что домохозяйки из меня не выйдет, коли за долгие годы я привыкла совершать трудовые подвиги и очертя голову лезть туда, куда, по большей части, соваться меня не просили. Но в городе для меня работа, безусловно, нашлась бы. Однако он этого вопроса не задал, за что я была ему благодарна хотя бы потому, что ответа на него и сама не знала. Начать жизнь заново далеко не так просто, как порою кажется, вот я и решила не торопиться. Зато Тимур сразу же заявил: жить в квартире, подаренной мне Дедом несколько лет назад, он не намерен. Тут пришлось согласиться мне. И мы с собакой Сашкой скоренько переехали к нему. Но этого моему мужу показалось мало.

– Твою квартиру надо продать, – сказал он, и я опять-таки вынуждена была согласиться. Реши я ее оставить, Тимур мог бы подумать, что я считаю: наш брак продлится недолго, и я надеюсь вернуться в родные пенаты. Квартиру продали.

Камнем преткновения едва не стала смена фамилии, то есть мне-то было все равно, какую фамилию носить. Тимур настаивал, чтобы я стала Тагаевой, но Дед об этом ничего слышать не желал.

– Как ты себе это представляешь? – рявкнул он, когда я сообщила ему о возможном изменении моих паспортных данных. – Мало того, что ты связалась с этим типом... я хотел сказать, мало того, что ты выбрала в мужья малоподходящего человека, ты еще хочешь носить его фамилию, хотя должна понимать: она для очень многих людей точно красная тряпка для быка. В моем окружении не может быть человека с такой фамилией, – безапелляционно закончил он.

– Хочешь меня уволить? – невинно полюбопытствовала я, наблюдая за тем, как лицо Деда идет пятнами.

– Еще чего. Поговори с ним, он должен понимать...

Тимур, как оказалось, ничего понимать не собирался, хотя в словах Деда кое-какая истина содержалась. Тимур в городе считался человеком с сомнительным прошлым, говоря попросту, криминальным авторитетом, пусть в последнее время вспоминали об этом все реже и неохотнее и все чаще называли его не иначе, как крупным бизнесменом. Однако рассчитывать на то, что все об обстоятельствах его биографии разом забудут, не приходилось, оттого позиция Деда была в общем-то мне понятна, не стоило гусей дразнить. Переговоры грозились зайти в тупик, о чем я поставила Деда в известность, намекнув, что муж в этом смысле непреклонен. Дед, матерно выругавшись и побегав по кабинету, предложил компромисс:

– Почему бы тебе не носить двойную фамилию?

– Глупость какая, – буркнула я в ответ, но, поскучав и поерзав, поехала к Тимуру.

– Что он от этого выгадает? – хмыкнул тот.

– Соратники не станут тыкать в него пальцем, – пожала я плечами. – По крайней мере, приличия будут соблюдены. А для Деда это важно. На работе я останусь Рязанцевой, а в остальное время Тагаевой. По-моему, это разумно, – добавила я. – В знак большой благодарности за жест доброй воли с твоей стороны обязуюсь не лезть в твои дела. По возможности, – закончила я со вздохом. – То есть я, конечно, полезу, но до определенных пределов и только с твоего согласия.

– Мы что, торгуемся? – усмехнулся Тимур, а я кивнула:

– Вроде того.

– Черт с ним, – махнул он рукой, и я стала обладательницей двойной фамилии, о чем широкая общественность так и не узнала. Мое желание не соваться куда не просят, было вознаграждено: Тимур не настаивал, чтобы я избавилась от прежних привычек, и раз в две недели, а бывало и чаще, я отправлялась на встречу с Лялиным и Вешняковым – пивка попить, умных людей послушать. Вот так, ко всеобщей радости, мы преодолели все препятствия, с чем я себя и поздравила. Мой пес быстро привык к новому жилищу, граждане в доме с колоннами, где обосновался Дед, вскоре успокоились, раз ничего особо выдающегося не происходило. Однако поздравить себя с началом новой жизни я не спешила, продолжая чего-то ждать. Впрочем, душой кривить не следует: ждала я, конечно, Лукьянова. Ответного шага, звонка, намека, чего угодно. Я надеялась, что он исчез так же внезапно, как и появился когда-то, да вот беда, не могла в это поверить. Или не хотела?

В ту пятницу я ехала на работу, беспричинно улыбаясь. После сумрачных дней конца марта вдруг запахло весной. Светило солнце, грязный снег на обочине дороги больше не вызывал раздражения, потому что стало ясно: это ненадолго. Еще чуть-чуть, и весна станет здесь полноправной хозяйкой, а с приходом весны люди чувствуют себя счастливыми просто так, оттого что солнце светит, и я в этом смысле не исключение.

Бросив машину на стоянке, я направилась в свой кабинет, размышляя о том, что в такую прекрасную погоду тратить время на возню с бумажками просто грех. Однако, вспомнив, что платят мне зарплату не за подобные мысли, а за доблестный труд, я уткнулась в компьютер, сделала несколько звонков, назначила пару встреч и поздравила себя с тем, что смогла-таки сотворить нечто полезное, весьма в этой полезности сомневаясь. Потом подумала, что не худо бы выпить чаю, и отправилась к Ритке. На самом деле я просто решила дать себе поблажку и на время отлынить от работы.

Ритка царственно восседала в приемной Деда. К работодателю она всегда относилась с уважением, которого он, безусловно, заслуживал, и с любовью, которая временами меня поражала. Дед слыл покорителем женских сердец, совершенно справедливо, кстати, ибо количество его избранниц давно перевалило за сотню. Но Ритки в этом длинном списке не было, о чем мне доподлинно известно. Как-то шутя я задала Деду вопрос: с какой такой стати он обошел ее вниманием? Ответ не замедлил последовать, причем ответил он серьезно: «Рита прекрасный

работник и человек хороший». Я скроила скорбную мину, намекая на невысказанный вопрос, это что же получается: Дед из всех баб выбирал лишь никудышных работников и скверных людей? Но, поразмыслив немного, вынуждена была согласиться с его логикой: роман был бы весьма непродолжительным, и Дед, скорее всего, лишился бы верного помощника и причинил боль хорошему человеку. Сама Ритка объясняла сложившуюся ситуацию еще проще: «И без меня есть кому подол перед ним задирать. Хотя, если б он предложил, я бы не отказалась. Не потому, что начальство уважаю, а потому, что Дед единственный мужик, кто это уважение заслуживает». – «Звучит несколько витиевато», – съязвила я тогда, а Ритка хмыкнула: «А мне плевать, как звучит».

Мы с ней были давними подругами и в нашем серпентарии по-настоящему могли доверять только друг другу, а разногласия в оценке поступков Деда на этом доверии никак не сказывались.

– Привет, – кивнула Ритка, взглянув на меня. Я покосилась на заветную дверь.

– У себя?

– У себя. Но занят. До 16.30 все расписано, так что загляни попозже.

– Я вообще-то чаю хотела выпить.

– Это пожалуйста, – улыбнулась она.

На третьем этаже был бар, но посещала я его нечасто. Ритка заварила чай, поглядывая на меня с сомнением. Наконец произнесла:

– Выглядишь довольной.

– Я не выгляжу, я такая и есть: всем довольная.

– Хорошо, коли так.

– Мне непонятен ваш скептицизм, уважаемая, – хмыкнула я.

– Дед говорит, это твое замужество... – начала Ритка.

– Это мое замужество, а не его, так что лучше бы он помалкивал.

Она вздохнула.

– У тебя правда все хорошо?

– Конечно, правда. Сашка привык к новому жилью, и у меня нет причин жаловаться.

– Хотела тебя на дачу пригласить, – пододвигая мне печенье, сообщила Ритка. – Но твой Тагаев тебя, поди, не отпустит и сам не поедет.

– Мой Тагаев сегодня уехал в Москву, вернется завтра, ближе к вечеру, так что мы с Сашкой весь день в твоём распоряжении.

– Тогда после работы махнем? – улыбнулась она.

– Махнем, – согласно кивнула я, тут дверь Дедова кабинета распахнулась, и на пороге появился мужик, высокий, подтянутый, с молодежью лицом и едва заметной сединой в роскошной шевелюре. О таких принято говорить: красавец-мужчина.

– Всего доброго, – приятно улыбнувшись Ритке, сказал он и направился к выходу, чуть задержав взгляд на мне.

– До свидания, – пропела она, с плотоядной улыбкой глядя ему вслед. – Н-да, – добавила со вздохом, когда дверь за ним закрылась.

– К чему стоит отнести твое скорбное «н-да»? – усмехнулась я.

– Тебе, как новобрачной, этого не понять, – хмыкнула в ответ Ритка. – А я, женщина, не обремененная супружеским счастьем, смотрю на такое сокровище сцепив зубы. У нас взгляд положить не на кого, что тебе хорошо известно, а этот зачастил и меня волнует.

– Ну так и приberi его к рукам, – поддразнила ее я. – Чего добру пропадать?

– Репутация у парня: отличный семьянин.

– А ты наплюй на репутацию. Кстати, что за тип?

– Корзухин Владимир Сергеевич, между прочим, говорят, наш будущий мэр.

– Вот как? – подняла я брови. – А нынешний об этом догадывается?

– Вряд ли, – хихикнула Ритка.

– Занятно. Его пресс-секретарь как раз вчера уверял, что шестьдесят процентов голосов у них в кармане.

– Пусть похвалятся немного. Дед нынешним мэром недоволен, о чем тебе хорошо известно, так что шестьдесят процентов голосов они смело могут засунуть себе в задницу.

Что да, то да. Если Дед кем-то недоволен, того никакие голоса не спасут. Наш хозяин всегда добивается своего не битьем, так катаньем.

– Откуда взялся этот Корзухин? – не унималась я. – Почему я о нем раньше ничего не слышала?

– Потому что не интересовалась. Да и он парень скромный, наперед бабки в пекло не лезет. У нас обосновался года три назад, приехал из района. Бабки у него водятся, и немалые, теперь вот решил народу послужить, – Ритка опять расплылась в улыбке. – Кстати, они с твоим Луганским большие приятели.

– Луганский не мой, хотя парень неплохой, и я его очень даже уважаю. Вряд ли он выберет в приятели скверного человека. Так что Деду следует хорошо подумать. – Я подмигнула Ритке, а она в ответ махнула рукой.

– Я тебя умоляю... – Тут в приемной появился Дед, в миру Кондратьев Игорь Николаевич, прозвище так к нему прилипло, что за глаза его последние несколько лет иначе никто не называл. Хотя шестидесятилетие он успел отметить давно, своим прозвищем он обязан отнюдь не возрасту. Скорее это было безусловным признанием старшинства, и соратники и враги проносили его с одинаковым уважением. Прожитые годы отложились на лице Деда сеткой морщин у глаз и суровыми складками возле рта и носа, которые, кстати, его совсем не портили, а скорее добавляли ему шарма. Спина прямая, взгляд твердый и походка уверенного в себе человека. Его многочисленным бабам было от чего впадать в экстаз.

Деда я знала много лет и, честно говоря, затрудняюсь представить его другим. Лет двадцать, по моим подсчетам, он выглядел примерно одинаково: сильный мужчина с негнбаемым характером.

– Рита... – начал он и тут обратил внимание на меня. – Чего тебе? – спросил весьма нелюбезно.

– Ничего, – развела я руками. – Чай пью.

– Могла бы найти себе более достойное занятие.

– Пойду поищу, – не стала я спорить и поспешно удалилась. Дед был явно не в духе, а в такое время следует держаться от него подальше.

Я вернулась к себе и развила бурную деятельность, но при первой возможности смылась из родного серпентария, благо что на пятнадцать ноль-ноль у меня была назначена встреча. Закончилась она в пять вечера, и я подумала, что возвращаться на работу нет никакого смысла, потом вспомнила про Ритку и позвонила ей.

– Планы не изменились? – любопытствовала я.

– Дед предупредил, что придется задержаться часов до семи. Ты как?

– Буду искать себе занятие до семи, – вздохнула я.

– Чего ты вечно к его словам цепляешься? – возмутилась Ритка.

– Я не цепляюсь, а выполняю директивы. Ладно, пока.

На работу все-таки пришлось вернуться, данный факт не вызвал у меня энтузиазма, еще меньший энтузиазм он вызвал у моих сотрудников, у них были свои планы на этот вечер, и мое появление грозило их нарушить.

– Всем спасибо, все свободны, – провозгласила я, скрываясь в кабинете, народ вздохнул с облегчением и потянулся к выходу.

Я корпела над бумагами и совсем забыла про время, так что Риткино появление восприняла с удивлением.

– Уже семь? – подняв голову, спросила я.

– Уже. Погнали отсюда, я устала, как собака. Не терпится оказаться на природе, в спокойствии и довольстве.

– Дед уехал?

– Пока нет, но машину уже вызвал. Зачем он тебе?

– Просто спрашиваю. Ты домой заедешь?

– Ни малейшего желания, – Ритка покачала головой. – Муженек опять в запое, видеть его рожу просто сил нет.

– Слушай, чего ты с ним не разведешься? – задала я вопрос, который давно уже меня интересовал.

– Потому что без меня он через пару месяцев окажется в сточной канаве. Кто говорил: мы в ответе за тех, кого приручили?

– Сент-Экзюпери, – пожала я плечами.

– Чего? – нахмурилась Ритка.

– Писатель такой был, француз.

– Все французы бабники.

– Ты хоть с одним знакома? – съязвила я.

– С тремя. Осенью у нас делегация была, ты что, забыла? Один мне между прочим до сих пор звонит...

Мы двигались по пустому коридору, непривычно тихому, свернули к лифтам и здесь неожиданно столкнулись с Дедом.

– Домой? – спросил он, сурово на меня глядя.

– К Рите, на дачу, – ответила я.

– А где твой... Тагаев? – сердито произнес Дед.

– В Москве. Вернется завтра.

Подождал лифт, спускались мы в молчании. На выходе из лифта я притормозила, пропуская Деда вперед, он пружинистой походкой пересек холл, обернулся, что-то намереваясь сказать, но передумал и скрылся за дубовой дверью. Выйдя из здания вслед за ним, мы наблюдали, как он садится в свою машину.

– После твоего замужества он сам не свой, – точно жалуясь, заметила Ритка.

– Привыкнет.

– Привыкнет, – передразнила подруга. – Он тебя любит.

– Но странную любовью, – развеселилась я. – Я его, кстати, тоже. Не победит ее рассудок мой.

– Он бы вел себя иначе, – сказала она, – если бы был уверен, что ты любишь своего мужа.

– Я его люблю.

– Ты сама-то в это веришь?

– Все больше и больше. Особенно, когда вы, будто сговорившись, пытаетесь убедить меня в обратном.

– Дед очень одинок, – помолчав немного, добавила она со вздохом.

– Это легко поправимо, если ты о женской заботе и ласке.

– Я не об этом.

– Слушай, давай сменим тему, – не выдержала я.

– Ты давно виделась с Лялиным? – спросила Ритка, когда мы выехали со стоянки.

– На прошлой неделе, – ответила я, удивляясь, с какой такой стати ее это интересует.

– Да? Твой Тагаев не против?

– Тебя послушать, так он держит меня на цепи.

– А разве нет?

– Вот что, дача, пожалуй, отменяется. Отвезу-ка я тебя домой.

– Ладно, не злись. Я совершенно не знаю, что мне делать. Деда жалко до ужаса, за тебя боязно. Вдруг Дед прав и ты по обыкновению свалила дурака?

– Ага, я такая.

– Когда вы просто жили с Тагаевым, еще была надежда, что все как-то устроится и вы с Дедом...

– Нас с Дедом давно уже нет. И ты это хорошо знаешь. Кстати, он уверял меня в припадке великодушия, что будет рад нянчить моих детей. Чего ж тогда переживать? Все хорошо в этом лучшем из миров, и все довольны.

– Кабы так... – в который раз вздохнула Ритка.

– Ну, вот, твой дом, – через некоторое время сказала я.

– До чего ж у тебя характер скверный, – возмутилась подруга. – Поехали на дачу. Обещаю заткнуться, – покаянно добавила она.

– Болтай на здоровье, например, про Корзухина. Все-таки странно, что я его раньше не встречала, – последнее замечание скорее было размышлением вслух.

– Красавец, правда?

– Несколько староват для тебя, не находишь?

– Что толку от этих молодых, – отмахнулась Ритка. – Конечно, Корзухину до нашего Деда далеко, но в нем что-то есть...

– Возможно, – не стала я спорить. – Но, судя по всему, ничего великого он совершить не успел, если я о нем даже не слышала.

– Просто последнее время ты где-то в облаках витаешь, оттого и не слышала. Будет у нас мэр-красавчик...

– Красавчик – это здорово, послал бы бог толкового. Хотя это вряд ли, Дед возле себя инициативного товарища не потерпит.

– Почему ты к нему так несправедлива? – всплеснула Ритка руками.

– Просто я очень хорошо знаю нашего вождя и учителя. Зайдешь? – Мы как раз остановились возле дома, где я теперь жила, Ритке здесь бывать еще не приходилось.

– Взгляну, – кивнула она. – Любопытно все-таки.

Мы поднялись в квартиру. Подруга прогулялась по ней, пока я собирала Сашкины вещи: поводок, миску и корм, и заметила:

– Недурственно. Кто из дизайнеров руку приложил: наши или московские?

– Питерские, насколько мне известно, а известно мне немного. Но если хочешь, спрошу Тимура.

Я запихнула Сашку в сумку, сообщив ему, что мы едем на дачу. Новость пес воспринял благосклонно.

– Все-таки я не понимаю, как такое могло произойти, – покачала головой Ритка.

– Это ты о чем?

– Как ты могла... вы вообще люди с разных планет. Ты и твой Тагаев.

– Он полюбил мою собаку, этого оказалось достаточно, чтобы растопить лед моего сердца.

– Как же мне надоели твои шуточки, – поморщилась подруга. – Хоть бы раз поговорила со мной серьезно. Ведь я не чужой тебе человек.

– Это точно. Потопали, родная.

Мы покинули квартиру и вскоре уже подъезжали к Риткиной даче, благо что до нее было рукой подать. Добротный двухэтажный дом находился в поселке Радужный, в двенадцати километрах от города. Дом Ритка купила недавно, всего полгода назад, подозреваю, с одной целью: держаться на расстоянии от супруга, ему появляться здесь было категорически запрещено. Риткин муж, создание непутевое и на редкость слабохарактерное, возражать жене никогда не решался. Только благодаря Риткиным стараниям его еще держали на работе, а работал он зав-

гаром в городской администрации. Пьяным на глаза сослуживцам он не показывался, а трезвым его застать было практически невозможно, так что Риткин супруг был человеком-невидимкой, она называла его бревном за приверженность к родному дивану, где он проводил большую часть жизни. Как-то Ритка заявила ему, что простить может все, кроме измены, супруг это запомнил и табу не нарушал, справедливо полагая, что жене нужен лишь повод, чтобы от него избавиться, хотя, с моей точки зрения, поводов и так было хоть отбавляй, но Ритка думала иначе.

Дом был куплен на деньги Деда. У Ритки имелись кое-какие сбережения, но их было явно недостаточно, она собиралась взять кредит в банке. Дед предложил ей деньги в долг, на сто лет и без процентов. Ритка, рассказывая об этом, обливалась слезами умиления. Широкая натура Деда была хорошо известна, и, поступи он иначе, я бы просто удивилась, хотя меня, если честно, слегка задело, что о предполагаемой покупке и нехватке денег мне она ничего сказать не пожелала. Денег у меня куры не клюют, благодаря все тому же Деду, и я понятия не имею, что с ними делать.

Я остановила машину возле металлических ворот, Ритка вышла, открыла калитку, а затем и ворота, и я въехала во двор. Сашка, выбравшись из сумки, с интересом поглядывал в окно.

– Радуйся, пес, – сказала я. – Сейчас гулять пойдем.

Распахнула дверь, он выскочил, ткнулся носом в снег, чихнул и громко тьякнул. Ритка, взяв его на руки, вошла в дом, я за ней, прихватив пакеты с провизией: по дороге мы заехали в супермаркет.

Пока мы убрали продукты в холодильник, Сашка носился по просторному холлу, вид имел совершенно счастливый, и я за своего пса порадовалась. Ритка поставила чайник, а я позвонила Тимуру.

– Как дела? – спросила весело.

– Скверно.

– С чего вдруг?

– Нетрудно догадаться, ведь тебя нет рядом.

– Твои планы не изменились?

– Нет, завтра к вечеру буду дома. Скажи мне, что скучаешь.

– Скучаю. Очень. Я на даче у Ритки. Мы с Сашкой решили, что это гениальная идея.

– Привет ушастому.

– Пес, тебе привет от Тимура! – крикнула я. – Когда вернешься в гостиницу?

– Поздно. Я тебе позвоню.

Мы простились, Ритка прислушивалась к нашему разговору и заметила неуверенно:

– Может, ты его правда любишь?

– А я о чем говорю? Пойдешь с нами гулять?

– Давай хоть чаю выпьем, – возмутилась она.

Через полчаса мы отправились на прогулку. В сотне метров от Риткиного дома начинался лес, однако там еще лежал снег, да и в темноте бродить среди деревьев занятие не из приятных, и мы пошли в противоположном направлении вдоль дороги. Сашка весело бежал впереди, время от времени тьякая, и умудрился возбудить всех местных собак. Из-за ближайших заборов несся отчаянный лай, что наполняло гордостью моего пса и явно улучшало ему настроение.

Возле одного из домов мы увидели женщину, она приблизилась к калитке и окликнула нас.

– Приехали? – спросила, обращаясь к Ритке. – А я смотрю, свет горит, вот и решила проверить.

Это оказалась местная пенсионерка, Людмила Васильевна, она присматривала за Риткиным домом.

– Добрый вечер, – ответили мы, направляясь к ней.

– Собака-то не убежит? – проявила она заботу, с сомнением глядя на Сашку. Тот с недовольством на нее уставился, тряхнул головой, точно намеревался сказать «что за странные мысли», а потом потрусил к дому напротив, деревянному, давно не крашенному, в одном из окон которого горел свет.

– Калягины дом продали, – кивнула в том направлении Людмила Васильевна. – Или сдали. Видать, все-таки продали. Бабка у них прошлой зимой померла, а они в Пскове живут, почто им здесь дом? Теперь вот мужчина живет с малым ребенком. Соседка говорит, жена у него родами померла. Он у соседки молоко покупает, она корову держит. Вот ведь беда какая, остался один с ребеночком. Вера, соседка, вся испереживалась. Чем помочь, не знает. Мужчина-то нелюдимый, все больше молчит, ни с кем не знается, оно и понятно: горе такое.

– Давно он здесь поселился? – спросила Ритка, желая поддержать разговор.

– Да уж недели две, как приехал.

– Откуда приехал?

– Видно, из города. Не больно он разговорчив, вот и не знаем ничего толком. Он из дома почти не выходит, если только в магазин да за молоком к соседке... Вы до воскресения останетесь? – сменила она тему.

– Нет, завтра к вечеру уедем.

– Если что понадобится, я дома.

Мы простились, женщина вернулась к себе, а мы продолжили прогулку.

– Странная идея поселиться в деревне, – вдруг заметила Ритка, оглядываясь на дом, который мы не так давно миновали. – Я мужика этого имею в виду.

– Почему же странная? – пожала я плечами. – Ребенку нужен свежий воздух, опять же молоко.

– В городе как-то проще, мне кажется. Хотя поселок большой, поликлиника здесь есть. Правда, с работой туго.

– Если ребенок маленький, вряд ли отец работает.

– Все-таки странно, – повторила Ритка. Я пожала плечами. Обогнув поселок по кругу, мы вернулись к Риткиному дому. – Холодно, – поежилась подруга. – Пойдем телик смотреть, что ли?

– Ты как, пес? – обратилась я к Сашке, он направился к калитке, давая понять, что телевизор посмотреть совсем не против.

Мы поужинали и часа два провели в гостиной возле камина, неспешно разговаривая. Сашка задремал, лежа у моих ног, и я решила, что мне тоже пора на покой. Риткина спальня была на втором этаже, мне подруга постелила в комнате на первом, что меня вполне устроило – Сашка терпеть не мог лестницы. К тому же Ритка любит почитать перед сном, я же книг принципиально не читаю.

Только мы с Сашкой устроились на ночлег, как позвонил Тимур. Встреча и последующий за ней ужин прошли успешно, он уже был в гостинице, о чем мне и сообщил. Воспользовавшись тем, что Тимура нет рядом, пес улегся на кровать, подумал и перелез ближе к моей физиономии, устроил голову на подушке и вскоре засопел. Мне же не спалось, я лежала в темноте и пыталась понять причину своего внезапного беспокойства. Все было расчудесно в этот вечер, а потом явилось это чувство и теперь заставляло меня нервно ворочаться в постели, мешая Сашке. Наверху, в Риткиной комнате, погас свет, а я все пялилась в потолок, словно ища там разгадку. Сашка, недовольный тем, что я без конца верчусь, ушел в ноги, и теперь я не решалась пошевелиться, чтобы и там его не побеспокоить.

Мысли начали путаться, и вдруг на грани сна и яви всплыли слова соседки о мужчине с ребенком. Я тряхнула головой, прогоняя дрему, и мне стала ясна причина моего вечернего томления. Все дело в этом доме, точнее, в его обитателях. Мужчина и маленький ребенок. О чем я подумала сейчас? Глупость. И все же...

– Давай-ка спать, – буркнула я себе под нос и закрыла глаза.

Кажется, уснула я довольно быстро, но сон был недолгим. И разбудил меня Сашка. Он глухо рычал над моим ухом. Открыв глаза, я обнаружила, что он, сидя на подушке, пялится в окно.

– Ты чего? – приподнимаясь на локте, спросила я.

Сашка смущенно тряхнул головой, но тут же вновь зарычал. Шторы на окне не было, только тюль, сквозь темноту проступали силуэты деревьев в саду, но вряд ли они могли заинтересовать моего пса.

Сначала я решила не обращать внимания на его чудачество, списав его на то, что Сашкино беспокойство объясняется новым местом, но так как и меня посетила тревога, вскоре передумала и подошла к окну. Отдернула тюлевую занавеску. Потом повернула ручку стеклопакета и распахнула одну створку. Холодный воздух заставил меня поежиться. Я прислушалась: тишина. Сашка теперь помалкивал, наблюдая за мной. Взглянув на него, я покачала головой, а потом, как была в пижаме и тапочках, взобралась на подоконник и, недолго думая, выбралась на улицу. На мокром камне дорожки, что огибала дом, следы вряд ли могли отпечататься, но я все равно присела, разглядывая плиты у себя под ногами. Потом дошла до угла дома, взглянула на калитку, в свете фонаря напротив она была хорошо видна. Калитка заперта на засов. В еще зимнем саду спрятаться невозможно.

У соседей залаяла собака, Сашка ответил, не стерпев, а я вернулась к окну.

– Чего на тебя нашло? – выговаривала я ему, влезая на подоконник. – Ты на луну рычишь, что ли? – Луна, кстати, висела над домом точно фонарь. Я забралась под одеяло, спеша согреться. – Будешь мешать спать, выгоню, – пригрозила я, Сашка плюхнулся рядом и вздохнул виновато. – Ты городской пес, – погладив его, совсем другим тоном сказала я. – Вот тебе и мерещится бог знает что.

Однако беспокойство отнюдь не исчезло, более того, стало ясно: мне очень хочется взглянуть на соседа, о котором говорила Людмила Васильевна, но предполагаемое знакомство пришлось отложить до утра.

Утром я проснулась часов в девять. Осторожно поднялась, стараясь не разбудить Ритку, собиравшуюся спать до обеда, выпила чаю и пошла гулять с собакой. Разумеется, деревянный дом под номером двадцать три очень меня занимал, к нему я и направилась. Дом окружал забор, между ним и оградой соседского дома шла тропинка в сторону леса, снега на ней почти не осталось. Под утро чуть подморозило, и идти можно было, не утопая в грязи. Деревянные доски забора успели подгнить и едва держались. Через многочисленные щели между ними было хорошо видно пространство возле дома, скамейка рядом с крыльцом, ржавая бочка под водосточной трубой и детская коляска. Вдруг скрипнула дверь, я повернула голову и увидела, как на крыльцо вышел мужчина в куртке армейского образца и вязаной шапке. Он начал спускаться по ступенькам, а я шагнула назад с намерением как следует его разглядеть.

Но он неожиданно повернул и весьма поспешно скрылся в доме, лица его я так и не увидела, в досаде чертыхнулась и поспешила в сторону леса, удивляясь, почему вдруг этот факт вызвал у меня такое раздражение. Неужто я в самом деле решила... Вернуться, войти в калитку, позвонить в дом и спросить какую-нибудь глупость? Это лучше, чем бродить здесь с неопределенной целью. Однако делать я этого не стала. Мы прогулялись с Сашкой вдоль кромки леса и пошли назад. Коляска все еще стояла возле крыльца, мужчины видно не было.

Вернувшись домой, я убедилась, что Ритка нарушила свои планы и, вместо того, чтобы видеть сны, жарит блины на кухне.

– Как погода? – спросила она.

– Отличная.

Завтракать сели на веранде. Отсюда интересовавший меня дом был хорошо виден, и взгляд мой то и дело к нему возвращался. Когда мы уже собрались покинуть веранду, из калитки вышел мужчина все в той же куртке и шапке и направился к дому по соседству. Ритка, проследив мой взгляд, заметила:

– Это, наверное, тот самый парень, о котором Людмила Васильевна говорила.

– Наверное, – согласилась я, пристально вглядываясь. Выше среднего роста, широкоплечий. В походке, в манере держать голову ничего знакомого. Однако это меня не успокоило. Лица его я видеть не могла и пожалела об этом. Я попробовала отвлечься от навязчивых мыслей и преуспела в этом, чему немало способствовала Ритка. Поболтать она любила, и я, кстати, тоже. В атмосфере дружбы и взаимопонимания день прошел незаметно.

В шестом часу позвонил Тимур и сообщил, что выехал из Москвы. Через некоторое время и мы начали собираться домой, оставаться здесь в одиночестве Ритка не желала. Сашка с сожалением забрался в сумку, я, выгнав машину за ворота, ждала подругу, пока она запирала дверь. Взгляд мой против воли возвращался к деревянному дому за шатким забором. Наконец Ритка устроилась в салоне рядом, я не спеша тронулась с места, но, поравнявшись с домом номер двадцать три, затормозила и решительно вышла из машины.

– Ты куда? – удивилась Ритка, но я оставила ее вопрос без внимания и поспешила к калитке. Она была не заперта. Коляска так и стояла возле крыльца, я заглянула в нее, она оказалась пуста. Толкнула дверь дома, та не подалась. Звонок рядом с дверью отсутствовал. Я постучала, сначала тихо, потом громче, косясь на окно по соседству. За тюлевой занавеской возник силуэт. Я терпеливо ждала, но открыть мне не желали.

Шагнув к окну, я стукнула по стеклянной поверхности, чувствуя на себе взгляд из-за занавески, в доме было тихо, ни звука шагов, вообще никаких звуков, но, без сомнения, хозяин находился рядом. Подождав еще немного, я направилась к машине.

– В чем дело? – хмурясь, задала вопрос Ритка, она стояла рядом с калиткой, наблюдая с недоумением за моими действиями.

– Захотелось взглянуть на этого парня, – ответила я, понимая, что объяснений не избежать.

– Да? – Должно быть, Ритка пыталась найти причину моего поведения и, не найдя, решила, что я о ней поведаю. Беда в том, что причину я и сама толком не знала. Поверить, будто здесь вдруг обосновался Лукьянов, было безумием, а чем еще мог заинтересовать меня хозяин дома? «Наверное, все дело в ребенке», – решила я.

– Хочешь ему помочь? – приглядываясь ко мне, задала вопрос Ритка, когда мы, устроившись в машине, поехали дальше.

– Чем, интересно? Вернуть ему жену?

– Тогда что? Порой я совершенно не в состоянии понять твои поступки.

– Порой я тоже, – согласно кивнула я. – Набери номер Ларионова.

Эта просьба вызвала у нее легкий шок.

– Да что происходит?

– Пока сама не знаю.

Ритка набрала номер и протянула мне мобильный. Ларионов, начальник Дедовой охраны, моему звонку совсем не обрадовался. Отношения наши хорошими не назовешь. Я считала его мерзавцем, он мною тоже вряд ли восторгался, но мы терпели друг друга, раз уж вместе работали на Деда, а тот склок не жаловал.

– Привет, – со вздохом сказал Лев Иванович.

– У меня к тебе дело. Узнай, кто в настоящее время живет по адресу: поселок Радужный, улица Спортивная, дом двадцать три.

– Это что, срочно? – с намеком на возмущение уточнил Ларионов, должно быть, злясь, что я беспокою его в выходной.

– До понедельника подождет, – ответила я и захлопнула крышку мобильного.

– Ты наконец скажешь, в чем дело, или мне так и придется голову ломать? – проворчала Ритка.

Об истинном положении вещей она не догадывалась, то есть не знала о моих сомнениях и желании Лукьянова убедить меня в том, что мой ребенок жив, а объяснить ей, почему меня вдруг заинтересовал ее сосед по даче, не рассказав об этом, я не могла, оттого и предпочла отмалчиваться.

– Черте что, – покачала она головой.

В понедельник, сразу после планерки, мне позвонила Ритка.

– Слушай, помнишь, мы в пятницу говорили о Корзухине?

– Нашем будущем мэре? – усмехнулась я.

– Я только что узнала, он стал вдовцом.

– Не поняла, ты радуешься или соболезуешь?

– Не болтай глупостей. Тут Ларионов топтался, говорит, в ночь с субботы на воскресенье произошел несчастный случай, и жена Корзухина погибла, но толком пока никто ничего не знает.

– Никто – это нормально, а вот Ларионову следовало бы знать, – не удержалась я от желания покритиковать начальника охраны. Лялин, когда был на его месте, знал все, причем иногда еще до того, как событие произошло, отчего я уверовала в его дар предвидения. На самом деле от пристального внимания Лялина ничто не ускользало, а в умении из разрозненных деталей сложить ясную картину ему нет равных. Ларионов на такое попросту не способен, зато у него есть другие полезные качества, что и позволяет ему уже довольно длительное время держаться в своем кресле.

– Ужас, что творится, – пробормотала Ритка, и я с ней согласилась.

Не успела я повесить трубку, как в моем кабинете появился предмет моих недавних размышлений, то есть сам господин Ларионов.

– Слышала новость? У Корзухина жена погибла, – заявил он прямо от порога.

– Да? Я и про Корзухина ничего не слышала, – не отводя взгляда от компьютера, ответила я.

– Брось. Дед имеет на него виды.

– Серьезно? Мне он об этом не говорил. Узнал, о чем я просила?

Он потоптался немного в недоумении, но все-таки вспомнил о субботнем звонке.

– Времени не было. Еще эта новость. Очень некстати этот несчастный случай. Я хочу сказать, Дед, скорее всего, так решит.

– Решит или нет, но изменить вряд ли что уже сможет, – философски изрекла я.

– Я уверен, нам предстоят нелегкие деньки, – покачал головой Ларионов. – Когда Дед не в духе, а он не в духе...

– Слушай, займись делом, – предложила я. – И не отвлекай меня от работы.

Ларионов засопел и удалился. Однако часа через два вновь возник в моем кабинете и, устроившись без приглашения в кресле, сообщил:

– Никто там не живет. Хозяйка дома умерла в прошлом году, дом унаследовала дочь, прописана в Псковской области, так что...

– Это я и без тебя знаю, – ответила я, наблюдая за тем, как меняется его физиономия, мгновение назад его распирало от самодовольства, теперь он заподозрил подвох и насторожился. – В доме живет мужчина с ребенком, вот и выясни, кто такие.

– Зачем?

– Лев Иванович, тебе деньги платят не за то, чтобы ты мне вопросы задавал. А объяснять тебе, что и зачем, я не собираюсь. Пока, по крайней мере.

– Между прочим, я всегда иду тебе навстречу. И ты могла бы...

– Могла бы, – кивнула я. – Но не буду. – Я надеялась, что после этих слов он удалится, но Ларионов продолжал сидеть, разглядывая свои ботинки. А я разглядывала его. В конце концов мне это надоело. – Эй, скажи, где ты. Не докричусь, так, может, дозвониться смогу?

– Тут один тип объявился, – вдруг произнес он. – Вопросы задавал.

– Какой тип? – нахмурилась я.

Ларионов вскинул голову, посмотрел на меня, внимательно посмотрел, я ожидала продолжения, но он вдруг передумал. Буркнул:

– Так, ерунда, – поднялся и вышел из кабинета, оставив меня гадать, что он имел в виду. Ясно, что тип не с улицы появился и вопросы задавал не просто так. Что ж за тип такой? И почему Ларионов сначала заговорил о нем, а потом разговор прервал?

– К черту, – буркнула я и решила сосредоточиться на работе.

На следующий день Ларионов вновь заглянул в мой кабинет, кивнул на часы, висевшие на стене, и предложил:

– Идем обедать.

Это предложение прозвучало для меня несколько неожиданно, хотя сам Лев Иванович, скорее всего, не видел в нем ничего особенного. Где ему знать о моей привычке не вкушать хлеб с разными мерзавцами. Периодически он предлагал мне свою дружбу, и это каждый раз ставило меня в тупик. Я безуспешно пыталась ответить на вопрос: то ли он вовсе не считает себя мерзавцем, то ли, напротив, уверен, что я в этом смысле ничуть не лучше его? Кстати, особой уверенности в обратном и у меня не было.

Почесав за ухом, я решила принять его предложение в надежде, что он продолжит вчерашний разговор и перейдет от туманных намеков к связному рассказу: кто у нас здесь появился и о чем спрашивал.

– Идем, – кивнула я, и мы отправились на третий этаж.

Устроившись за столом, Ларионов посмотрел на меня с сомнением, как будто решал: могу я ему испортить аппетит или нет, и заговорил:

– Что касается того дома в Радужном... У наследницы дом купил племянник, Сухов Игорь Сергеевич, бывший военный, сейчас в отставке, работает охранником на автостоянке на улице Северной. Сегодня как раз его смена. – Ларионов как бы нехотя достал из кармана сложенный лист бумаги и пододвинул мне. – Здесь его домашний адрес и паспортные данные. Дом он пока не оформил, но деньги тетке уже выплатил. Парень насолил Ритке? – помедлив, спросил Ларионов.

– С чего ты взял?

– Ну, у нее дача по соседству. Чем-то тебя этот тип заинтересовал. – Он ждал ответа, однако не дождался, по той причине, что ответа у меня по-прежнему не было, но Ларионов рассуждал иначе и досадливо покачал головой. – Как знаешь, – буркнул он и уткнулся в тарелку.

Я лениво жевала, прикидывая, будет ли возможность ближе к вечеру заскочить на стоянку на улице Северной, и решила: ничто не мешает мне сделать это прямо сейчас.

Но моим намерениям не суждено было осуществиться, потому что через пять минут меня вызвал Дед. Позвонил на мобильный и поведал, что ждет в своем кабинете. По тому, как это было сказано, стало ясно: Дед зовет меня к себе не просто так, он чем-то здорово недоволен.

За долгие годы я научилась по голосу определять его настроение и мысленно подготовила себя к испытаниям.

Я вошла в кабинет, когда Дед с кем-то разговаривал по телефону, и замерла возле двери в надежде, что он обратит на меня внимание. Дед посмотрел в мою сторону и кивнул на диван. Я прошла и села, наблюдая за ним. Вопреки ожиданиям ни сердитым, ни просто недовольным он не выглядел, скорее усталым. Красивые брови сошлись у переносицы, и он во время разговора то и дело потирал пальцами лоб, должно быть, мучаясь головной болью. За своим здоровьем он никогда не следил, совершенно справедливо полагая, что здоровьем его бог наградил богатырским, но сейчас, глядя на него, я с беспокойством подумала: он слишком много работает, и отдохнуть ему точно бы не помешало. Однако напоминать ему об этом труд напрасный. Его работа – все, что у него есть, возможно, она сведет его в могилу, но без нее он и дня не проживет. Не без работы, разумеется, а без власти, которую она ему дает. Наверное, он знает об этом даже лучше, чем я.

Дед прервал мои невеселые размышления, положив трубку.

– Выглядишь роскошно, – он улыбнулся, подошел ко мне и по-отечески поцеловал в лоб. Если старый змей начинает с комплиментов, значит, испытаний точно не избежать.

Он устроился рядом со мной на диване и машинально сгреб мою руку.

– Как жизнь?

– Не знаю, что ответить, – фыркнула я. Он тут же нахмурился.

– В смысле?

– Скажу отлично – ты обидишься, скажу плохо – будешь беспокоиться.

– Скажи как есть, – рассердился он.

– Нормально.

– Но до «хорошо» не дотягивает?

– Чтобы было «хорошо», очень многое следует оставить в прошлом. Пока не удастся.

– Извини, – вздохнул он. – Что говорят врачи? Я имею в виду... – Он смутился, это, признаться, удивило меня и умилило одновременно. Я пожала плечами.

– Говорят, все гораздо лучше, чем могло бы быть. А сейчас нужно уповать на время, которое, как известно, лечит.

– Может, тебе стоит лечь в хорошую клинику? Если бы ты забеременела... это было бы... это помогло бы тебе... – Когда он вот так начинает мямлить, я готова разрыдаться от жалости к нему или к себе, попробуй, разбери.

– Не волнуйся, мы работаем над этим, – съязвила я, желая прекратить этот разговор.

Дед недовольно крикнул и выпустил мою руку. Поднялся и прошелся по кабинету, не глядя в мою сторону.

– Я могу идти? – подала я голос, он повернулся, посмотрел с удивлением, и стало ясно: он уже успел забыть о моем присутствии, странствуя в мыслях далеко за пределами кабинета.

– Вот что, – деловито заговорил он, возвращаясь ко мне. – Ты, должно быть, слышала: у Корзухина несчастье. А у меня на этого парня свои виды.

– Поговаривают, он будет следующим мэром? – не удержалась я.

Дед укоризненно покачал головой:

– Давно ты стала обращать внимание на чужую болтовню?

– Так да или нет?

– Возможно. Речь не об этом. Как я уже сказал, у меня есть на него кое-какие виды, а тут этот несчастный случай.

– А что, собственно, произошло?

Дед махнул рукой:

– Идиотская история: жена утонула в бассейне.

– Просто взяла и утонула?

- Выходит, что так, – буркнул Дед.
- Чтобы утонуть в бассейне, надо все-таки постараться. А если вовсе не умеешь плавать, не лезь в бассейн.
- Совершенно с тобой согласен. У следователя нет сомнений, что это несчастный случай. Никаких признаков насильственной смерти. Но...
- Но? – подождав немного, поторопила я.
- Я должен быть уверен... в общем, сюрпризы, как ты понимаешь, мне не нужны. Оттого я и хочу, чтобы ты разобралась с этим несчастным случаем.
- А что Корзухин? – спросила я.
- Ему об этом знать ни к чему, – пожал Дед плечами.
- Все равно узнает, – усмехнулась я. – Если я начну копать в его грязном белье.
- Придется ему это пережить, – отрезал Дед. – Постарайся, чтобы он узнал как можно позже. Парень сам не свой, и нам следует щадить его чувства. Если... если что, докладывать только мне. И без твоих обычных фокусов. Поняла?
- Еще бы, – согласно кивнула я, поднимаясь.
- Ну, вот и отлично. Кстати, твоему Тагаеву знать об этом тоже ни к чему. Последние слова я решила проигнорировать и направилась к выходу.
- Чего вызывал? – зашептала Ритка, как только я покинула кабинет.
- Дал ответственное задание.
- Корзухин? То есть, я хотела сказать, несчастный случай с его женой?
- С тобой неинтересно, – скривилась я. – Все-то ты знаешь.
- Ну, не первый день на свете живу. А что, есть сомнения?
- Вот это мне и доверено узнать, – серьезно заявила я, а Ритка фыркнула. – Позвони Ларионову, – попросила я. – Узнай, готов ли он принять меня.
- Ларионов ждал в своем кабинете, увидев меня, расплылся в ухмылке.
- От Деда? – И повторил Риткин вопрос: – Значит, у него есть сомнения?
- О том я не ведаю.
- Ну, если он поручил тебе покопаться в этой истории, значит, все-таки есть.
- Скорее, он хочет убедиться в обратном.
- Подумав немного, Ларионов кивнул.
- Садись.
- Есть у тебя что-то интересное на этого парня? – спросила я, принимая предложение и устраиваясь напротив. Ларионов достал из стола папку и перебрал мне.
- Этапы большого пути. Если честно, ничего примечательного. Родился в районном городе, там же закончил пединститут, но по специальности не работал. В институте был комсомолом, и после окончания его рекомендовали в райком комсомола, где он ничем особенным себя не проявил. Ездил со стройотрядами, коммерческая жилка у него всегда была, а вот комиссарить он не любил и сейчас не любит. Скромный парень, который знает свое дело. С комсомолом простился легко и в перестройку подался в предприниматели. Несколько лет назад стал депутатом, был замечен нашим Дедом, три года, как переехал сюда. Отзывы самые положительные. Ни в чем предосудительном не замечен. Хороший семьянин. От первого брака есть взрослая дочь, живет отдельно в соседнем областном центре. Погибшая в воскресенье жена по образованию учитель английского языка. Открыла здесь частную школу по изучению иностранных языков, сама же в ней и преподавала. Образцовая семья, второй дочери четырнадцать лет, учится в спецшколе с углубленным изучением математики. Никаких связей на стороне, по крайней мере, ни разу не засветился. Вот вкратце и все. Завтра, кстати, похороны. Мужик держится молодцом, но видно, что здорово переживает. У ментов нет повода, насколько я знаю, подозревать, что за несчастным случаем что-то скрывается.
- Не так часто люди умудряются утонуть в собственном бассейне, – заметила я.

– Чего на свете не бывает, – Ларионов перегнулся ко мне и сказал: – Баба была пьяной в хлам.

– Алкоголичка?

– Черт ее знает. Если и пила, то за закрытой дверью.

– Где Корзухин был в то время, когда она утонула?

– На рыбалке. В шестидесяти километрах от города. Есть такое местечко, Николино Купалище, остров посреди реки, вот там он и рыбачил. В компании четырех человек, один из которых его большой приятель, прокурор нашего города, они, кстати, в одной школе учились когда-то, а второй – твой Хомяк, тоже его приятель.

– Вот как, – подняла я брови.

– Вот так. Это я на всякий случай, чтоб ты знала: алиби у него железное.

– А ему нужно алиби? – усмехнулась я.

– Уж теперь и не знаю, раз Дед тебя пустил по следу. Твои способности всем хорошо известны. – Ларионов засмеялся, словно произнес удачную шутку, а я не стала интересоваться, какие из моих способностей он имел в виду.

– Что ж, спасибо, – сказала я, поднимаясь и прихватывая папку с бумагами со стола.

– Всегда готов помочь, – хмыкнул он. – К Вешнякову поедешь? – когда я была уже возле двери, спросил Ларионов.

– Поеду, – кивнула я.

Но прежде чем отправиться к Артему, я вернулась в свой кабинет и заглянула в папку. Там было два листа бумаги со стандартными анкетными данными. Ничего интересного. Впрочем, я не ожидала найти там особые откровения. Придвинула телефон и набрала номер Вешнякова.

– Привет, мой трудолюбивый друг, – сказала я.

Артем хмыкнул:

– Чай, кофе, потанцуем?

– Непременно.

Он кашлянул и заметил с подозрением:

– Чего-то мне уже не хочется. Ты ведь не просто так позвонила?

– Вот за что я тебя люблю... – подхалимски начала я, но он перебил:

– А чего случилось-то? Вроде все спокойно.

– Вроде. Но покопаться кое в чем придется.

– Инициатива твоя или указание сверху?

– Я безынициативный товарищ.

– Кому ты лепишь? Ладно, приезжай.

– Может, встретимся в неформальной обстановке? – предложила я.

– Это я всегда готов. Давай через пару часиков в «Бочке меда».

– Достойный выбор, – засмеялась я.

Через два часа я подъезжала к кафе «Бочка меда» на Никитской. Кафе находилось в полуподвале и было знаменито своим пивом. Еще одним немаловажным его достоинством было то, что до кафе рукой подать и от моей работы, и от отдела, где трудился Артем, и от офиса охрannого агентства, в котором командовал Лялин. Три эти точки образовывали треугольник, а кафе как раз оказалось посередине, так что с момента его открытия оно стало местом наших сборищ.

Однако в этот раз беспокоить Лялина я не планировала, потому что дело, которое меня сюда привело, того не стоило. Да и не было, в сущности, никакого дела.

Бросив машину на стоянке, я спустилась в подвал, толкнула стеклянную дверь и увидела молодого человека за высокой конторкой. Он широко улыбнулся и сказал, кивнув:

– Артем Сергеевич вас ждет.

Артем устроился за столом в нише, отделанной искусственным камнем. Стол представлял собой бочку с прорезями для ног, и Артем, сидевший на табуретке, напоминал персонаж известного мультика: Винни Пуха, который очень уважал мед. Вешняков уважал пиво, оттого сходство с персонажем было велико. Широкою добродушную физиономию приятеля украсила лучшая в мире улыбка.

– Жаль, кабак пустой, – ухмыльнулся он. – Вот бы сидели здесь мужики и мне завидовали.

– Чему, интересно? – подходя к нему и целуя в лоб, спросила я.

– Как чему? Такая красавица и меня в лобешник целует. Я сам, бывает, в такое счастье не верю.

– Зазнаюсь и целовать тебя перестану.

– А я умру от тоски и отчаяния, начнешь жалеть, да поздно будет. А где Сашка? – удивился Артем.

– Дома. На моей работе ему показываться запрещено.

– Жаль, хотел поболтать с этим типом. Как у него дела?

– Отлично. Как и ты, толстеет.

– Могла бы не тыкать меня носом в мои незначительные недостатки.

– Это достоинство. Тощие все злые. А ты хороший человек, и тебя должно быть много.

– Я сам этим утешаюсь, – улыбнулся Вешняков. – Моя меня в клуб записала, чтоб я жир в мышцы перегонял, на следующей неделе пойду, если ничего не случится. Не то пропадут денежки, только зря потратилась.

Я была уверена: именно так и будет, но предпочла помалкивать. Нам принесли пиво и закуску, мы выпили, Артем сунул в рот горсть орешков и, глядя на меня, хитро подмигнул:

– Корзухин?

– Слушай, – покачала я головой, изображая бурный восторг. – Ты совершенствуешься. Скоро Лялину сто очков вперед дашь.

– Куда мне, – отмахнулся Артем. – Я голову ломал, зачем тебе понадобился, в городе тишь-гладь, божья благодать, а ты покопаться предлагаешь. Не выдержал, позвонил старшему товарищу. А он мне с ходу: Корзухин. Жена у него погибла. А у Деда на Корзухина виды, вот он и подстраховывается. Мог бы присвоить себе чужие лавры, – разулыбался Артем. – Но парень я честный, говорю как есть. От Олега тебе привет.

– Спасибо. Сам-то он что по поводу несчастного случая думает?

– Ничего он не думает. И я ничего не думаю. На место выезжал Сашка Быстров, парень толковый, я с ним уже связался, подъедет через полчаса. Но, судя по всему, дамочка просто утонула, выпив лишнего. Дождемся Сашку, он все и расскажет.

Мы еще выпили, болтая о пустяках, Вешняков всерьез заинтересовался диетами, а я его высмеивала. Наконец появился Быстров: молодой человек среднего роста с румяным лицом и небесно-голубыми глазами. Ямочки на щеках, когда он улыбался, делали его похожим на юного поэта-романтика, хотя профессию он себе выбрал отнюдь не романтическую. Одет был в костюм, изрядно потасканный, и темно-синюю куртку. Рубашка в полоску и галстук, которому место на помойке. Почему-то он напомнил мне Вешнякова на заре нашего знакомства, наверное, по этой причине парень сразу же вызвал у меня симпатию.

– Здравствуйте, – сказал он, переводя настороженный взгляд с меня на Артема. Мы дружно кивнули.

– Вот, знакомься, – начал мой друг. – Рязанцева Ольга Сергеевна, кто такая, ты знаешь, а это Александр Петрович. Садись, Саша, куртку снимай. Скажу сразу, в твоей компетентности никто не сомневается. Но у начальства, как известно, свои резоны, так что без обид. Ольге велели разобраться, ее дело холопье. Верно я говорю? – повернулся он ко мне.

– В самую точку.

– Так что, Саня, говорим по-дружески, здесь все свои.

– Дружески так дружески, – согласился тот. – Только не очень понятно: что, собственно, вас интересует?

– Ты нам обрисуй, в чем там дело.

– Да нет там дела никакого, – отмахнулся Саня. – Вскрытие показало: женщина захлебнулась. Никаких следов насилия. Зато точно установлено: в тот вечер она выпила бутылку коньяка. Доза для бабы... для женщины, – поправился он, косясь на меня, – лошадиная. Могла и в ванне утонуть.

– Часто она так употребляла? – спросила я.

– Муж утверждает, что она к спиртному была равнодушна. Знакомые у нее пристрастия к алкоголю тоже не замечали. Скорее всего, это связано с неприятностями на работе.

– Что там с ее работой? – заинтересовалась я.

– У нее школа частная, точнее, языковой клуб, занимаются по вечерам изучением английского и немецкого языков. Ну, и не сложились отношения с одной из преподавательниц: Корзухина хотела ее уволить, но дама оказалась крепким орешком, завалила всех кого могла жалобами. Есть такие дамочки, способные со свету сжить любого, вот она из таких. Пенсионерка, заслуженный учитель, ну и пошли разные проверки. У Корзухиной характер тоже, как видно, был не подарок. Коллектив раскололся надвое, одни ее поддерживали, другие эту тетку. Кончилось тем, что трое преподавателей подали заявление на расчет. Замену им так сразу найти нелегко. Корзухина очень переживала. Муж ее пытался образумить, но она просто места себе не находила из-за этих дрызг. В пятницу ей пришлось объявить, что занятия в клубе временно прекращаются. Думаю, дамочка решила снять стресс, вот и выпила лишнего. А пьяный человек на многое способен.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась я.

– Могла сдуру утопиться, хотя, с моей точки зрения, повод глупый. У кого на работе не бывает неприятностей?

– Это точно, – кивнул Артем.

– Само собой, версия самоубийства мужу не приглянулась, так что все решили: несчастный случай.

– Странно, что муж, зная, как жена переживает, отправился на рыбалку. Мог бы в трудное время быть рядом.

– Мужика, кстати, жаль. Он здорово переживает, считает себя виноватым, потому что уехал. Ему ее переживания были не совсем понятны. Деньги есть, так что она могла и вовсе не работать, о чем он ей говорил неоднократно. Мол, бросай ты все это и живи спокойно. Но для нее клуб был делом всей жизни. Он от этих ее переживаний попросту устал и сбежал на лоно природы. Теперь себя корит. О самоубийстве он, кстати, ничего слышать не хочет. Что понятно: у них дочь, о ней надо думать. В общем, женщина погибла, самоубийство или чистая случайность, теперь не узнаешь.

– В доме кто-нибудь был на тот момент?

– Никого. Корзухин уехал в субботу, ближе к вечеру. Дочь неделю как в санатории, утром они ездили ее навестить, в доме приходящая прислуга, но у нее был выходной. Шофер Корзухина уехал с ним на остров. Дом на сигнализации, но на охрану хозяйка его в тот вечер не поставила. Муж вернулся в воскресенье около пяти. Дверь заперта, задняя тоже. Замки целы, никаких следов взлома, ничего такого, что указывало бы на то, что в доме были посторонние. Корзухин удивился, что жены в доме нет, а дом на охрану не поставила. Звонил ей несколько раз на мобильный, пока не обнаружил ее телефон в спальне. Забеспокоился. Спустился в подвал, где у них сауна и бассейн, и нашел в воде тело супруги. К тому моменту она уже давно была мертва. Смерть наступила в промежутке между полуночью и тремя часами утра. В комнате отдыха пустая бутылка из-под коньяка и рюмка с отпечатками пальцев хозяйки. Вот и

все. Завтра похороны. Если вас интересуют результаты вскрытия... – Он посмотрел на меня, затем на Артема.

– Убийство исключено? – спросил Вешняков.

Парень досадливо вздохнул:

– Артем Сергеевич, если бы хоть что-то на то указывало... но никаких сомнений: это несчастный случай или самоубийство.

– А если все-таки... – кашлянула я.

– Ну, напридумывать можно что угодно, – обиделся Быстров. – Замки не вскрывали, никто из соседей ничего подозрительного не заметил, в доме никаких следов вторжения, да и мотива нет. Кому нужна ее смерть, сами подумайте? Не старуха же преподавательница киллера наняла? А киллер должен быть мастером экстра-класса. Проник в дом, не оставив следов, столкнул ее в бассейн... вряд ли даже пьяная она бы не оказала сопротивления, и следы борьбы мы бы обнаружили. На теле ни синяков, ни ссадин. Лично я экспертам склонен верить.

– Да и мы не сомневаемся, – миролюбиво кивнула я. – Значит, несчастный случай. Хорошо.

Некоторое время я приглядывалась к Быстрову. Без сомнения, в своих словах он был уверен. А уверенность такого парня кое-чего стоила. Не зря он показался мне похожим на Артема.

Собственно, после этой встречи можно было смело рапортовать Деду, что его выдвиженец невинен яко ангел, однако Кондартьев сказал «разобраться», и я для очистки совести решила поговорить с Луганским. Оттого позвонила ему, простившись с Вешняковым. Луганский мне обрадовался.

– Как дела? – спросил он.

– Отлично.

– Давно не виделись, может, как-нибудь поужинаем вместе?

– Чего тянуть, – ответила я. – Встретимся сегодня, правда, поужинать не получится, пообедала я успела, а вот чашку кофе выпью с удовольствием, если ты не против.

– Конечно, нет, приезжай.

Перед тем как отправиться к Луганскому, я еще раз просмотрела бумаги, переданные мне Ларионовым. И нашла две нестыковки. Хотя нестыковки эти не имели никакого отношения к тому, что меня интересовало. Если верить написанному, Корзухин женился в первый раз, когда его дочери было шесть лет, во второй раз, когда младшей дочке исполнилось пять. Вполне возможно, что люди жили в гражданском браке, а потом решили зарегистрироваться. Во второй брак Корзухин вступал, будучи вдовцом. От чего умерла первая жена, в бумагах нет ни слова, впрочем, и это большого значения не имеет.

Луганского я застала в его кабинете. Мой друг занимал пост председателя законодательного собрания. У него была репутация шибко умного, оттого многие относились к нему как к дурачку. Несколько лет назад мой друг выставил свою кандидатуру на выборах, руководствуясь желанием улучшить жизнь граждан. Последующие годы, как ни странно, в этом смысле ничего не изменили, иллюзии он хоть и подрастерял, но остался исключительно порядочным человеком. Большая редкость в наше время, надо сказать. По этой причине я его очень уважаю. Парень он толковый, иногда я всерьез думаю, если бы таких, как он, было побольше... впрочем, моих иллюзий явно недостаточно, чтобы поверить, будто в окружающем мире можно что-то кардинально изменить. Но пример Луганского внушает определенный оптимизм.

Не так давно я убедилась и в его уме, и в отличных деловых качествах, с той поры мы и стали друзьями, хотя и до того момента он вызывал у меня симпатию. Конечно, такой человек был многим неудобен, и эти многие предрекали ему скорый закат карьеры, у нас, по крайней мере. Но Дед к Луганскому благоволил по непонятной причине. Впрочем, мне она как раз

понятна: даже отпетым мерзавцам хочется видеть рядом приличных людей. Луганский по сей день оставался белой вороной, а Дед продолжал к нему благоволить.

Прозвище Хомяк он получил из-за пухлых щек, служение народу не прошло даром, виски у него, несмотря на молодость, отливали сединой, а наметившаяся лысина со временем обещала стать выдающейся. Мешки под глазами и ранние морщины намекали на нешуточные битвы, которые он вел практически в одиночку.

Луганский поднялся и заключил меня в объятия, после чего кивнул на дверь по соседству.

– Идем туда, поговорим спокойно.

За дверью была комната отдыха. Диван, два кресла, журнальный столик, на котором стояли кофейник, чашки, еще были пирожные на блюде. Мой друг любил сладкое, но, по непонятной причине, этого стыдился.

– Пирожные для тебя, – сказал он, что не помешало ему съесть их все в весьма непродолжительный период. Взглянув на меня из-под очков в золотой оправе, Луганский спросил без улыбки: – Ты по делу?

– Можно сказать и так. Говорят, в выходной ты был на рыбалке.

– Да какая там рыбалка, – отмахнулся он. – Просто решили отдохнуть на природе... – В этот момент он будто споткнулся и, нахмурившись, посмотрел на меня с недоумением. – Постой... тебя что, Корзухин интересует? – Я пожалала плечами, жест этот можно было понять как угодно, но Луганский понял правильно. – У кого-то есть сомнения? Черт, о чем это я? Если ты здесь, то, выходит, сомнения есть у Деда.

– Скорее он хочет, чтобы я его убедила, что это несчастный случай.

– Конечно, – подумав немного, кивнул Луганский. – История дикая. Я имею в виду гибель его жены. Совершенно дикая... Володя просто раздавлен. Держится из последних сил. Он Люду очень любил. Они были прекрасной парой. И вдруг... в голове не укладывается.

– У нее вроде были неприятности на работе?

– Не знаю, – пожал он плечами. – У Люды языковой клуб, она сама себе хозяйка...

– Значит, о проблемах жены Корзухин тебе не рассказывал?

– Нет. Неужто ты думаешь, что она... – Луганский покачал головой, отмечая свою мысль как совершенно бредовую.

– В субботу вечером вы были вместе? – Услышав этот вопрос, Луганский поднялся и стал нервно расхаживать по комнате.

– Оля, я все понимаю, но... это полный бред... разумеется, мы все время были вместе. Еще двое знакомых это охотно подтвердят.

– Да ты не нервничай, – вздохнула я. – Ей-богу, я спрашиваю для отмазки. У ментов нет повода сомневаться, что это несчастный случай.

– А Дед? Почему он вдруг решил?

– Говорят, у него виды на твоего приятеля. Наверное, боится сюрпризов.

– Возможно. Хотя... хотя есть другой вариант. – Луганский замолчал, а я продолжала наблюдать за ним. Он хмуро размышлял о чем-то, и я не выдержала:

– Ты мне расскажешь о другом варианте?

– Нетрудно догадаться, – проворчал он. – Дед действительно выделял его среди прочих и... что, если он понял: Корзухин человек для него не совсем удобный, и теперь ему нужен повод...

– Ерунда, – усмехнулась я. – Ему не нужен повод. Если Дед решит, что Корзухин ему неудобен, задвинет его так же легко, как выдвинул.

– Но... даже Дед должен соблюдать определенные нормы.

– Уверена, о том, что должен, он даже не догадывается. Я хочу сказать, у него свои нормы и ему плевать на другие.

– Невероятно, – вздохнул Луганский, непонятно, что он имел в виду. Если Деда, то напрасно, еще как вероятно. – Ольга, если Корзухин станет мэром, у нас появится возможность... – Он продолжал развивать свою мысль, а я ухмылялась, удивляясь святой простоте своего друга. Когда Луганский выдохся, я сказала:

– Что ж, надеюсь, так оно и будет. Загляну сегодня к Деду и доложу, что он может успокоиться. Несчастный случай на его планах никак не скажется. Вы с Корзухиным друзья?

– Я бы сказал, хорошие знакомые. Очень хорошие. Другом я могу назвать тебя, как ни странно это может прозвучать. – Я прекрасно понимала, что он имеет в виду, и кивнула. – А Володя... отличный парень, умный, серьезный и, безусловно, порядочный. Будет жаль, если... Впрочем, я повторяюсь. Я не настолько знаю его семейную жизнь, но в одном уверен: он очень любит Людмилу, любил... Не представляю, как будет он один с ребенком...

– Несколько лет назад он с этим справился, – заметила я, ничего особенного не имея в виду.

– Да, старшую дочь он лет с двенадцати поднимал один...

– От чего умерла его первая жена? – все-таки спросила я.

– Честно говоря, не знаю. Неудобно было спрашивать. Он всегда говорил «после смерти Наташи», наверное, какая-то болезнь.

– У них с Людмилой общий ребенок?

– Да, конечно. А почему ты спрашиваешь?

– Судя по анкетным данным, он женился, когда дочери было пять лет.

– Да? Возможно. Скорее всего, старшая девочка после смерти матери не хотела видеть в доме чужую женщину.

– Да, похоже на то, – кивнула я, поднимаясь. – Ты с Людмилой часто виделся?

– Не то чтобы очень...

– Алкоголем она не злоупотребляла?

– Нет. Ничего похожего. Интеллигентная женщина, умница, спокойная, выдержанная. Если человек пьет, догадаться об этом по некоторым признакам совсем не трудно. Ни о каком тайном пороке и речи быть не может.

– Что ж, спасибо за исчерпывающие ответы.

Он кивнул и проводил меня до дверей кабинета.

– Завтра похороны, – заметил по дороге.

– Ты поедешь? – спросила я.

– Конечно. В такое время кто-то должен быть рядом с ним.

Я ехала на работу, размышляя над словами Луганского. С какой стати Дед поручил мне копаться во всем этом? Бывало, он закрывал глаза на преступления своих подчиненных, не раз и не два заминал скандалы, которые непременно бы разразились без его вмешательства, и вдруг такая настойчивость, хотя по всем статьям выходило: Корзухина обвинить не в чем. Луганский при всей своей наивности в людях разбирается неплохо, да и в компетентности Быстрова я не сомневалась. Однако знала по опыту: задавать вопросы Деду труд напрасный. Артем правильно заметил: мое дело холопье, сказано разобраться, разберусь. Хотя, судя по всему, напрасно трачу время.

Я взглянула на часы и решила: с докладом Деду можно повременить до завтра, раз уж докладывать особо нечего, и мне ничто не мешает наведаться на автостоянку, где работает хозяин дома в Радужном. Что я и сделала.

Стоянку на Северной найти оказалось не так легко. Я дважды сворачивала не в том месте, возвращалась назад, пока наконец не увидела указатель: намалеванную прямо на фасаде дома синей краской стрелу и надпись над ней «Стоянка». За поворотом возникла будка, наспех сколоченная, от нее шел забор из металлической сетки. Шлагбаум и жуткие колдобины на дороге, асфальтовое покрытие на стоянке отсутствовало. То ли она доживала последние дни, то

ли хозяин о своем детище не пекся. Взглянув на стройку по соседству, я решила остановиться на первом варианте. На стоянке было машин двадцать, не больше, и почти все имели такой вид, точно ожидали сдачи в металлолом. В общем, картина была удручающей. С большой опаской я подъехала к будке. Моя машина требует к себе уважения и вовсе не предназначена для поездки по столь экзотическим местам. Охранник в будке решил, должно быть, так же и не замедлил появиться на крыльце. Смотрел с сомнением, ожидая, когда я выйду из машины. Было ему лет пятьдесят, невысокий, коренастый, лицо приятным не назовешь.

– Здравствуйте, – с улыбкой начала я. – Места есть?

– Для вашей красавицы нет, – усмехнулся он.

– Что так?

– Забор на соплях держится, а ваша тачка, поди, стоит штук сто.

– Больше, – порадовала его я.

– Вот-вот. Дальше на Кирова есть стоянка, на светофоре свернете...

– Так и быть. Вы Игорь Сергеевич? – спросила я с улыбкой, надеясь расположить его к себе. Это оказалось совсем нелегко. Услышав свое имя, он нахмурился и, совершенно не реагируя на мою неземную красоту, спросил в свою очередь:

– А в чем, собственно, дело?

– Я хотела с вами поговорить. – И полезла в сумку за удостоверением, которых у меня, кстати, было много, никогда не знаешь, что в жизни пригодится. Тут я с печалью взглянула на свою тачку, и рука моя бессильно повисла в воздухе, ни к одному из документов «Феррари» не подходил. Я вздохнула, прикидывая, что бы эдакое придумать, и мысленно чертыхнулась. – У вас есть дом в Радужном. Там дача у моей подруги, дом номер девятнадцать, почти напротив вашего. Вот я и хотела узнать: не думаете ли вы продать свою собственность.

– Не думаю, – покачал он головой, приглядываясь ко мне.

– Да? Я готова заплатить хорошие деньги.

– Я же сказал, нет.

По неведомой причине я его очень раздражала, и чем больше он раздражался, тем любопытнее мне становилось.

– Там сейчас мужчина живет. Ваш знакомый?

– Слушайте, какое вам дело до того, кто там живет?

– Ну... – пожала я плечами. – Одиноким мужчиной да еще с ребенком. Мне, как женщине, небы интересно...

– Так у вас есть муж, – хмыкнул он. То, что он меня узнал, в общем-то, не удивило. Физиономия моя мелькает то здесь, то там, да и машина приметная, а вот тот факт, что мужику известно, что я замужем... об этом точно в газетах не писали.

– Я совершенно одинока, – выдала я свою лучшую улыбку. – И не против помочь человеку, оказавшемуся в трудной ситуации, а ему сейчас должно быть нелегко...

– Может, и так, но это не ваше дело.

– Но сказать-то вы можете, кто он, откуда, или это страшная тайна?

– Спросите у него. Если он с вами разговаривать захочет. Извините, мне работать надо.

Сухов вернулся в будку и громко хлопнул дверью. «Я ему не понравилась», – с печалью констатировала я, садясь в машину. На этом можно было и закончить. Осторожно сдав назад, я развернулась, намереваясь ехать домой, но вместо этого достала мобильный и позвонила Тимуру.

– Я сегодня задержусь, – предупредила я.

– А в чем дело?

– Работы полно.

– Не засиживайся долго, я тебя жду.

Сама себе удивляясь, я направилась к выезду из города в сторону поселка Радужный. Я понятия не имела, зачем это делаю. Впрочем, зачем, более-менее понятно, я хочу увидеть парня, что живет в том доме. Но как я намерена объяснить ему свое появление? Да и будет ли возможность объяснять? Очень может быть, что, как и в прошлый раз, я постою перед закрытой дверью. Но эти соображения меня не остановили, и через полчаса я была в Радужном. Бросила машину возле Риткиной дачи и обратила внимание, что ни в одном окне строения номер двадцать три свет не горит, хотя в домах напротив его уже включили.

Не успела я выйти из машины, как появилась Людмила Васильевна в наброшенном на плечи пальто.

– А я смотрю, машина ваша, вот, иду узнать, в чем дело. Риты нет...

– Я знаю. Мобильный где-то потеряла, – соврала я. – Думаю, может, здесь оставила?

– Так давайте посмотрим, – достав ключи из кармана пальто, предложила женщина.

Мы вместе вошли в дом, я для убедительности заглянула в гостиную, на кухню и в спальню, где мы с Сашкой провели ночь.

– Видно, оставила в другом месте, – пожаловалась я.

– Вы не беспокойтесь, если вдруг на глаза попадется, я Рите позвоню.

– Соседа своего сегодня не видели? – решила я. – Из двадцать третьего дома?

– Как же, видела. В город он с ребенком поехал. На маршрутке. Я в магазин ходила, а они как раз в маршрутку садились часа в три. Видно, еще не вернулись, свет не горит.

– У него девочка или мальчик?

– Сын. Александр Сергеевич. Самого-то Сергеем зовут, мне соседка сказала.

– А возраст у ребенка какой? – спросила я, чувствуя неприятный холодок внутри.

– Да я толком-то и не знаю. Маленький совсем ребеночек. Года нет.

– Что ж, я, пожалуй, поеду.

Мы простились, Людмила Васильевна заперла дом, а я села в машину, поглядывая на двадцать третий дом. Так и подмывало туда отправиться. Людмила Васильевна считает, что сосед не вернулся. Чего я вообще прицепилась к этому соседу? Какое мне до него дело? Ребенок... моему ребенку было бы сейчас пять месяцев. Александр Сергеевич... Чепуха. Надо прекращать все это. Я ехала по дороге с твердым намерением выбросить неизвестного мужчину из головы, но вместо этого свернула к магазину, где была остановка маршрутки. Как раз одна из них показалась из-за поворота и притормозила. Из нее вышли человек пять, но мужчины с ребенком среди них не было. Он может вовсе сегодня не вернуться, у него, скорее всего, родственники в городе. И все-таки полчаса я терпеливо ждала, за это время пришла еще маршрутка, но нужный мне человек так и не появился. «Зря теряю время», – решила я и поехала в город.

Сворачивая на улицу, где теперь жила, я увидела Тимура, они с Сашкой отправились на прогулку. Тимур махнул мне рукой, останавливаясь, а я, приоткрыв окно, крикнула:

– Подождите меня!

Загнала машину в подземный гараж и припустилась за своим семейством. Сашка весело бегал за мячиком, Тимур с улыбкой наблюдал за его выкрутасами.

– Привет, – он поцеловал меня, и мы побрели в сторону парка. Тимур мне рассказывал, как прошел день, признаться, я мало что слышала, занятая своими мыслями. Мужу надоело говорить в пустоту, и он спросил: – Какие-то проблемы?

– Что? Нет, так... Ты слышал о парне по фамилии Корзухин? Корзухин Владимир Сергеевич?

– Да, а что? – слегка удивился он.

– Вы знакомы?

– Как-то пару раз пересекались.

– И каково твое впечатление?

– Ну... – Тимур пожал плечами. – По-моему, дельный мужик. Почему он вдруг тебя заинтересовал?

– Не меня, Деда. У Корзухина жена погибла. Несчастный случай. Завтра похороны.

– А Деду какое дело до его жены? – нахмурился Тимур.

– Он, как всегда, забыл сказать.

Тимур замер на месте и сурово посмотрел на меня.

– Что за несчастный случай?

– Представь, женщина утонула в собственном бассейне. – Муж продолжал молча меня разглядывать, я тоже молчала, и он наконец спросил:

– И что?

– Ничего.

– Ясно. А я гадаю, отчего у тебя такое отсутствующее выражение лица. Опять за старое? Мы договаривались: ты его пресс-секретарь, а все эти расследования в прошлом.

– Да нет никакого расследования, – я повисла на его руке. – Просто несчастный случай.

– Скажи это своей собаке, – буркнул Тимур. – Но и Сашка вряд ли поверит.

– Уверю тебя, все так и есть. Завтра сообщу работодателю, что тревога ложная...

– Только посмей опять во что-нибудь ввязаться. А этому старому идиоту следовало бы подумать...

Я поднялась на цыпочки и запечатлела на губах Тимура поцелуй. Подействовало. Он усмехнулся и милостиво позволил мне виснуть и дальше на его руке. Если честно, Корзухин в тот момент занимал меня мало. В голове настойчиво билась мысль о пустом доме и его куда-то исчезнувших обитателях. «Никуда они не исчезли, – призвала я себя к порядку. – Рассказать о них Тимуре? Что рассказать? Что мне не дает покоя незнакомый человек, живущий со своим сыном? Тимур решит, что при одном упоминании о ребенке я теряю голову. И будет прав. Все. Надо выбросить Риткиного соседа из головы».

Утром, ожидая, когда Дед освободится и уделит мне свое драгоценное время, я еще раз прочитала анкетные данные Корзухина. Теперь я знала их наизусть, вот только понятия не имела, зачем мне это. Потом сняла трубку и позвонила Вешнякову.

– Сделай доброе дело, узнай об обстоятельствах смерти первой жены Корзухина.

– Дался он тебе, – фыркнул Артем. – Или это Дед уговорить не хочет?

– Я его сегодня даже не видела.

– Значит, самой неймется?

– Значит. Сделаешь?

– От черта молитвой, а от тебя, как известно... сделаю, конечно, – вздохнул он.

– Быстро сделаешь?

– Ольга, имей совесть.

– А как же наша любовь?

Артем хмыкнул и повесил трубку. Дед к себе меня не требовал, Артем не звонил, я изнывала от безделья, хотя дел было невпроворот, но они вызывали у меня непонятное отвращение. Наконец уже после обеда позвонила Ритка.

– Он велел зайти.

– Бегу, – ответила я. И в самом деле припустилась едва ли не бегом. Вот тут и зазвонил мобильный.

– С тебя причитается, – заявил Артем.

– Все, что угодно, милый. Ну, так что за болезнь была у дамы?

– Не болезнь. Несчастный случай. Попала под машину. Водитель с места аварии скрылся, личность его установить не удалось.

– Вот как? – нахмурилась я, умерив свой бег, а потом и вовсе остановилась.

– А что, такого не бывает? – съязвил Артем. – Произошло это зимой, было скользко... Сейчас, подожди... вот... семь часов вечера, в переулке, свидетелей не было. Тело обнаружили менты на патрульной машине. Никто ничего, как говорится.

Простившись с Вешняковым, я затоптала на месте, пытаюсь собраться с мыслями. Их было много, но ни одной стоящей. Чертыхнувшись, я вошла в приемную, Ритка предупредила:

– У тебя десять минут.

– Мне и двух за глаза хватит.

Я открыла дверь кабинета и обнаружила Деда стоящим у окна в излюбленной позе, руки в карманах брюк, взгляд устремлен вдаль – надо полагать, в наше светлое будущее, – рот сурово сжат.

– Можно? – пискнула я, чувствуя, что отрываю человека от размышлений государственной важности, и добро бы дело у меня было серьезное.

– Ну, что? – не очень любезно произнес Дед.

– Если одним словом – «ничего», – с сиротским видом заявила я.

– Не юродствуй, – осадил меня Дед, поворачиваясь.

– Нет причин сомневаться в том, что это несчастный случай, – посерьезнела я.

Дед прошел к столу, но в кресло не сел, предпочел стоять в досягаемой близости от меня, буравя взглядом. Когда он вот так смотрел на собеседника, казалось, что он видит тебя насквозь. Мало кто мог это выдержать. Даже я, хотя за долгие годы могла бы привыкнуть.

– Что тебе не нравится? – после некоторой паузы задал он вопрос.

– Его первая жена погибла в результате несчастного случая. Ее сбила машина, водитель с места преступления скрылся, личность его не установлена. – Дед кивнул, а я заподозрила: это для него не новость. – Возможно, парню просто не везет, но...

– Но? – поторопил Дед.

– Но меня такое невезение настораживает.

– Меня тоже, – кивнул он. – Разберись. Будущий мэр должен быть безупречным человеком.

«С чего бы вдруг?» – едва не брякнула я. Нашего нынешнего мэра, веселого оптимистичного толстяка, назвать безупречным можно было лишь в припадке буйного славословия. У меня бы пальцев не хватило, возмись я перечислять все его грехи, и это особо в подробности не вдаваясь. А уж если покопаться... Хотя у мэра был безусловный дар: он умел заражать своим оптимизмом окружающих, по крайней мере, журналистов точно. Если верить средствам массовой информации, дела в городе обстояли прекрасно, кое-какие недостатки мэр признавал, но считал их несущественными. «Недостатков в работе нет у того, кто ничего не делает», – любил повторять он с такой лихой улыбкой, что всякие сомнения в этом отпадали. Две общеизвестные страсти мэра: к бабам и халявным деньгам, Дед явно в упрек ему не ставил. Впрочем, в вопросе баб и денег Дед тоже был не безгрешен, так что, вполне возможно, грехом сие не считал. Разумеется, свои соображения я оставила при себе и согласно кивнула.

– Я могу идти? – Подозреваю, мои слова он не услышал, погрузившись в раздумья. Мне пришлось повторить свой вопрос.

– Да, иди, – буркнул Дед, и я выпорхнула из кабинета, не скажу, что окрыленная, скорее озадаченная.

Я отправилась в бар, выпила кофе, размышляя над словами Деда. Вряд ли его выдвиженец вспыхивает к нему признательностью, когда узнает, что я копаюсь в его белье, а он непременно узнает. Но Деду, похоже, наплевать на это. Допустим, его волнует не безупречность будущего мэра, а кое-что другое. Луганский характеризовал своего приятеля как человека приличного, дельного и даже возлагает на него определенные надежды. Деду инициативный товарищ ни к чему. Сильных личностей рядом с собой он не терпел, справедливо видя в них потенциальных соперников. Но мэр, который смотрит ему в рот и спешит выполнить все, что от

него требуют, по какой-то причине устраивать его перестал. И Дед остановил свой выбор на Корзухине. Способен тот реально ему противостоять или нет, еще вопрос, но Дед, вполне естественно, хочет быть уверенным в обратном. Следовательно, не прочь заполучить некий компромат на выдвиженца. И странные события в его семейной жизни такую возможность могли ему предоставить.

– И нет ничего нового под солнцем, – как всегда в таких случаях, в досаде пробормотала я, отодвигая чашку. Скорее всего, моя задача проста: нарыть для Деда нечто, позволяющее ему диктовать свои условия Корзухину. Мне вдруг очень захотелось послать свою работу к черту. Но после второй чашки кофе я успокоилась. Покопаюсь немного, наживу еще одного врага, и еще не факт, что Дед останется доволен.

Вскоре я покинула стены родного учреждения, у меня была назначена встреча. Отъехала от здания администрации метров на пятьсот и почувствовала: что-то с моей машиной не так. Остановилась, вышла и с досадой обнаружила спущенное колесо. Машинально потянулась за мобильным, с намерением позвонить Тимуру, но моя женская гордость вдруг взбунтовалась: это что же, я с такой ерундой сама справиться не смогу? Я пнула колесо, убрала мобильный, прикидывая, как половчее решить проблему, и тут рядом с моей машиной притормозил красавец «Лексус», дверь его распахнулась, и приятный мужской голос произнес:

– Помощь нужна?

– Еще как, – отозвалась я. Вслед за этим очам моим предстал хозяин «Лексуса». Парень лет тридцати с небольшим, среднего роста, подтянутый, с иссиня-черными волосами, зачесанными назад. На нем был скромный костюм, вместо рубашки легкий свитер. В целом все выглядело вполне симпатично. С его точки зрения я, скорее всего, тоже выглядела неплохо: блондинка в дорогих тряпках, с улыбкой от уха до уха да еще рядом с ярко-желтым «Феррари». Его желание помочь было вполне понятным, и мое принять помощь тоже.

– Классная тачка, – улыбнулся он и приступил к делу, поглядывая на меня с большим интересом. – Чей-то подарок?

– Я сама зарабатываю себе на жизнь, – ответила я. – Правда, на такую тачку еще не заработала.

– Любовник, муж? – продолжал он, нагляя.

– Отец родной, – я соврала совсем чуть-чуть.

– Повезло, – кивнул он.

– Мне или вам? – не удержалась я.

– Надеюсь, и мне тоже. Если мужа нет. Хотя и это не помеха.

– Помеха, да еще какая.

– Вы самая красивая девушка, которую я когда-либо видел.

– Вы тоже мужчина хоть куда.

Он звонко засмеялся, закончил работу, вытер руки тряпкой, а я протянула ему влажные салфетки, которые он принял с благодарностью.

– Меня Олег зовут. А вас? Нет, постойте, я угадаю. – Он смотрел на меня, улыбался и явно не спешил проститься. – Юля... нет, Оля. Точно, Оля. Угадал?

– Угадали, – кивнула я, следя за тем, чтобы улыбка с моей физиономии не исчезла, но теперь приглядывалась к парню внимательнее. – Спасибо, что выручили.

– А если я наберусь наглости и предложу вам выпить кофе... вон там кафе, видите? – кивнул он через дорогу.

– Вижу. Что ж, идемте.

Он достал из машины куртку, я подхватила его под руку, и мы отправились через дорогу. До назначенной встречи оставалось еще полчаса, и я была уверена: этого времени хватит, чтобы понять, кого мне бог послал. Или черт?

Внутри кафе было отделано с большим шиком, цены тоже впечатляли, но это обстоятельство вовсе не занимало Олега. Он смотрел на меня так, точно неожиданно-негаданно получил подарок, о котором всю жизнь даже мечтать боялся, и изо всех сил старался меня развлечь, то есть трещал практически не переставая. В основном о том, как расчудесно я выгляжу, какой ум сквозит в моих глазах, и как он обожает людей с чувством юмора, который у меня, безусловно, есть. Поняв, что пятнадцатью минутами не обойдешься, я достала телефон и позвонила человеку, с которым собиралась увидеться, перенесла встречу на час.

– Спасибо, – просиял Олег, когда я захлопнула крышку телефона. – Хотя... вряд ли это из-за меня, угадал?

– Не угадал, – ответила я. – А теперь будь любезен сказать, что тебе от меня надо.

– В каком смысле? – вроде бы удивился он.

– То, что я девушка твоей мечты, более-менее ясно. Но есть еще кое-что. Верно? Самое время сказать об этом.

Он засмеялся, весело, заразительно, глядя на меня с лукавством.

– Все, что о тебе говорят, чистая правда, – наконец произнес он.

– Валяй дальше. Я даже не спрашиваю, кто говорит и кому, так распирает меня любопытство.

Он откинулся на спинку стула, враз став серьезным.

– Я ищу одного человека, – сказал он после небольшой паузы, продолжая меня разглядывать.

– Интересно. Я его знаю?

– Очень хорошо.

– А имя у этого человека есть?

– Конечно. Саша Лукьянов. – Он криво усмехнулся, наблюдая за моей реакцией. Не знаю, чего он ожидал, но со стула я не свалилась, да и его слова удивления у меня не вызвали, подсознательно чего-то в этом роде я ожидала.

– Зачем тебе Лукьянов? – хмыкнула я.

– У меня к нему дело, важное.

– Опоздал ты со своим делом, парень, – посетовала я. – Примерно на год.

– Seriously?

– Абсолютно. Все, что осталось от Лукьянова, уместилось в целлофановый пакет, который можно было бы выбросить. Но этические нормы этому воспрепятствовали, оттого его бранные останки захоронили в безымянной могиле. Если хочешь, раздобуду ее номер. Сможешь оставить там цветок. Или у тебя другие намерения?

– Я же сказал, у меня к нему дело.

– Боюсь, единственный способ сообщить ему об этом, отправиться за ним следом. Так, скорее всего, и будет, если ты еще раз попытаешься мне докучать.

– Тимур Вячеславович человек серьезный, – усмехнулся Олег. – Ты ведь на него намекаешь? Только я не верю, что ты поспешишь ему обо мне рассказать. Ну а если расскажешь, – вздохнул он, – тоже не беда. Как думаешь, ему понравится, что ты выгораживаешь своего любовника?

– Это в прошлом. Я имею в виду нашу любовь, – ответила я.

– Сомневаюсь. Для всех Лукьянов погиб. Но ты-то знаешь, что это не так. Знаешь, но помалкиваешь.

– Звучит неубедительно, – сказала я с усмешкой, призывая себя к спокойствию.

– Хорошо. Попробую еще раз. Я уверен, что Лукьянов жив-здоров, и ты знаешь, где он. Или знаешь, как его найти.

– Ни то и ни другое. Ты можешь верить во что угодно, только вряд ли убедишь в этом меня.

– Я все-таки попытаюсь, ладно? – издевательски произнес он. Ничто не мешало мне подняться и уйти, но я продолжала сидеть, ожидая, что он скажет. – Лукьянов мнит себя гением, но и гении ошибаются. В его случае это скорее от большого самомнения. – Вот с этим я готова была согласиться, самомнения Лукьянова хватило бы на десятерых придурков, впадающих в восторг от самих себя. – Так вот, полгода назад он умудрился засветиться. И хоть по обыкновению обрубил все концы, но ведь почерк гения сам по себе уже след. Как считаешь?

– Я не считаю его гением, – ответила я. – Но если ты настаиваешь, что ж, готова с этим согласиться.

– События, о которых я говорю, тебе хорошо известны. Для тебя они закончились скверно. Ты оказалась в больнице и лишилась ребенка. Да вот с больницей вышла какая-то путаница, – продолжал он кривляться. – Тебя привезли на «Скорой» в крайне тяжелом состоянии. Но из приемного покоя ты чудесным образом исчезла. И ни менты, ни твой выдающийся муж найти тебя нигде не могли. Пока ты сама не нашлась, появившись в один прекрасный момент будто из ниоткуда. Со странными объяснениями, точнее, вовсе без оных. В ту байку, что ты рассказала, я, извини, поверить не в состоянии.

– А кто тебя просит? – удивилась я.

– Вот-вот. Если учесть, что в больнице ты оказалась по вине Лукьянова, совершенно непонятно, почему ты так упорно скрываешь, что он жив? Я подумал и пришел к выводу: что-то тебя удерживает от признания. А что может заставить такую, как ты, молчать? Вот тут самое время вспомнить о твоём исчезновении из клиники. Беременная женщина, избитая до такой степени... ничего, что я об этом говорю?

– Ты ж все равно не заткнешься, зачем спрашиваешь? – пожала я плечами.

– Кому могло прийти в голову выкрасть полутруп, каким ты была, из больницы, а главное, зачем?

– Просвети меня, я над этим давно голову ломаю.

– Минуту терпения. Только ты знала абсолютно точно, что Лукьянов жив, то есть ты являлась крайне неудобным свидетелем. Шлепнуть тебя для такого, как он, дело пустяковое. С этим ты спорить не будешь?

– Да я вообще спорить не люблю.

– Но он почему-то этого не сделал. Трудно поверить, что такой парень способен испытывать к женщине нежные чувства. Однако в его случае это, пожалуй, именно так. Он изменил своим обычным принципам. Но... он был бы полным дураком, если б не заткнул тебе рот раз и навсегда. Вот и разгадка твоего исчезновения из больницы. Видишь, как все просто, – засмеялся он, но тут же вновь стал серьезным. – Твой ребенок у него. Или ты так думаешь. Учитывая вашу давнюю дружбу, легко предположить, что ты знаешь, где Лукьянов. Ты мать, а значит, не имея сведений о ребенке, стала бы его искать. Но ты не ищешь. И твой муж, у которого репутация психа, очень жестко разбирающегося со своими врагами, тоже не ищет. Значит...

– Ты намудрил, – нараспев сказала я, качая головой. – Он не ищет, потому что ребенок умер. Ты ж сам сказал, в больницу привезли полутруп, и у ребенка не было шанса родиться живым. Не было. И о Лукьянове мне ничего не известно. Может, ты прав, и он сумел провести всех, а сам жив-здоров. Но это меня не касается.

Олег перегнулся ко мне и сказал тихо:

– Помоги мне, и я помогу тебе.

– С удовольствием. А как?

– Намекни, где следует искать.

– Ну, хорошо зная Лукьянова, я могу с большой долей вероятности сказать: везде и нигде.

– Как-то ты с ним связываешься? Или он с тобой?

– Телепатически. Иногда он является мне во сне, чаще всего в кошмарах.

– Может, мне стоит поговорить с твоим мужем? – скривился он, а я заботливо спросила:

– А у тебя со здоровьем как?

– Нормально. Уверен, что твой муж хотел бы видеть твоего любовника в гробу, в настоящем, крепком, и чтоб опознали его не по какому-то там медальону... добротный, стопроцентный труп. Я это гарантирую, если ты мне чуть-чуть поможешь.

– Так вот какое у тебя к нему дело, – улыбнулась я. – Чем он тебе насолил? Или это просто работа, ничего личного?

– Насолил, – отрезал Олег.

– Это он умеет, – кивнула я. – Значит, так. Помочь не могу, силе не в моих силах. Препятствовать тем более. К мужу моему соваться не советую, но как знаешь. Теперь нам ничто не мешает проститься навеки.

– Вот это вряд ли, – усмехнулся Олег, я поднялась, взяла сумку, а он насмешливо добавил: – Я найду его, обязательно найду.

– Ищи, ищи, – кивнула я. – Может, и найдешь. Хорошо, если только его, вдруг еще кого-нибудь за компанию.

– О чем это ты?

– О девушке в белом, с длинной косой.

– Так, значит, я прав? – засмеялся парень. – Лукьянов жив.

– Я по-прежнему убеждена в обратном. А что касается девушки... заваривая кашу, не худо бы знать, как ее станешь расхлебывать. Хорошо подумать не предлагаю, подозревая, что это не для тебя. Удачи в бою.

– А ты мне нравишься, – хмыкнул он.

– А ты мне нет.

Я вышла из кафе, направилась к своей машине, мазнула взглядом по номерам «Лексуса». Вряд ли номер тачки что-то даст, но попытаться можно.

В тот день человек, с которым я намеревалась встретиться, меня так и не дождался. Я перезвонила и перенесла встречу на завтра и заспешила на работу. Мне не терпелось поговорить с Ларионовым. Однако и с этим вышла незадача, он уехал куда-то вместе с Дедом. Поплотно закрыв дверь, я мерила шагами свой кабинет, стискивая зубы так, будто намеревалась их раскрошить. «Надо звонить Тимуру», – то и дело возвращаясь взглядом к телефону, думала я, но по непонятной причине не звонила. То, что хитрости Лукьянова вышли ему боком, меня не удивило, удивляло другое: как нелегко оказалось разобраться со своими чувствами. Беспокойство, наметившееся еще в кафе, крепло и теперь напоминало легкую панику. Чего же я боюсь? Что этот тип в самом деле найдет Лукьянова? Ему же хуже. Не Саше, а этому Олегу. Даже если Лукьянову, мне что с того? Я вычеркнула его из своей жизни, раз и навсегда вычеркнула. Или нет? Даже находясь на расстоянии, он умудряется зримо присутствовать рядом, вносить беспорядок в мою жизнь, где все ясно и правильно, сводя все мои старания отгородиться от прошлого к нулю.

– Вот дерьмо, – в досаде сказала я, сама не зная, что имея в виду.

Мои невеселые размышления прервал звонок, звонила секретарь Ларионова, он наконец приехал. Я шла по коридору, с удивлением отмечая, как все вдруг переменялось. Не стены, коридоры и люди, снующие по ним, они-то остались прежними. Я сама изменилась. Лишь кто-то назвал его имя, все полетело к чертям. Неужто мои клятвы самой себе гроша ломаного не стоят? Вероятность того, что это может быть так, вызывала у меня боль и стыд одновременно. Если мой ребенок у него... мой ребенок жив... Тогда что? Вдали замаячила угроза для жизни Саши, и ты готова... стоп. Во-первых, не готова. Испугана, да, но это скорее связано с его возвращением в мои мирные будни, во-вторых, и в-главных, очень может быть – как раз на такой результат Лукьянов и рассчитывает. Мне ли не знать, как он умело играет людьми. И посещают его идеи прямо-таки гениальные, хоть и рождаются они в голове безумца, но безумие часто бывает сродни гениальности.

«Если тебя в этот раз шлепнут, поделом», – зло решила я, толкнув дверь кабинета начальника охраны.

Он сосредоточенно пялился в компьютер, должно быть, в «стрелялки» играл. Увидев меня, щелкнул мышью и заявил:

– Ты стала у меня частым гостем.

– Глядишь, подружмся, – хмыкнула я.

– Я не против, – пожал он плечами. – Это ты меня невзлюбила неизвестно почему.

– Так уж и неизвестно? – выразила я удивление.

– Ладно, – махнул он рукой. – Говори, с чем пожаловала?

– С миром. И надеждой, что ты кое-что мне растолкуешь.

– Да? – Ларионов насторожился, явно ожидая от меня подвоха.

– Судьба свела меня с занятым парнем, – сказала я. – Он уверен, что Лукьянов жив, он даже рассчитывает с ним встретиться.

Лев Иванович кашлянул, отводя взгляд, и стал пялиться в пространство.

– Что за парень?

– Зовут Олег, это все, что я знаю. Он утверждает, что у него к Лукьянову есть дело, и просил меня помочь его найти. Полный бред, но парень не похож на завсегдатая психушки.

– А от меня ты чего хочешь?

– Свежих идей. Может, я чего-то интересное пропустила?

– Собственно, появление этого парня меня не удивляет, – нахмурился Лев Иванович, его прямо-таки распирало от самодовольства. – В том смысле, что... что смерть Лукьянова кое у кого вызывает сомнение.

– У кого, к примеру? – Я устроилась с самым заинтересованным видом в кресле по соседству.

– В прошлый раз я хотел сказать тебе, но потом подумал...

– Скажи сейчас, – поторопила я.

– В общем, на днях к Деду приехал один его московский приятель. С ним был тип по фамилии Грузнев. Грузнев Юрий Маркович. Так его Дед представил. Но забыл мне сказать, кто он такой, однако всячески рекомендовал ему содействовать. Тот завалил меня вопросами.

– О твоей личной жизни?

– Чего ты дурака валяешь? – разозлился Ларионов. – Его интересовал Лукьянов. Кстати, и ты тоже. Вся эта история с больницей и прочее... Предыстория ему была тоже интересна. В общем, я вынес из разговора убежденность: в гибели Лукьянова он очень сомневается. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит. Такие, как твой дружок, бывший, я имею в виду, на пенсию не выходят. Так что все предельно просто. Они начнут охоту. И то, что объявился этот парень, означает: она уже началась. Тебя это беспокоит? – невинно поинтересовался он.

– Меня беспокоит появление незапланированных парней в моей жизни, – отрезала я.

– А ну как он правда жив? – хохотнул Ларионов. – Вдруг ты поторопилась выскочить замуж?

– Господи, чего ж Дед такого дурня в своем штате держит? – посетовала я, а Ларионов шмыгнул носом.

– Да ладно, я пошутил.

– Как Грузнев выглядит?

– Здоровый мужик, на вид лет пятидесяти, шатен, темные глаза, нос прямой, на подбородке большая родинка.

– Выходит, со мной сегодня беседовал не он.

– С какой стати эти типы вдруг засуетились? – подумав, произнес Ларионов. – Как считаешь, что-нибудь наклеывается?

– Ты меня спрашиваешь? – удивилась я и покинула его кабинет. Набрала номер телефона Лялина.

– Ну, что там у тебя? – спросил он недовольно.

– У меня посланец с другой планеты, недружелюбной. Ищет Лукьянова.

– Укажи ему место на кладбище, – хмыкнул Лялин, но в голосе его появилось беспокойство.

– Он уверен, что Лукьянова там не найдет.

– Смотри, какой умник...

– Попытаешься узнать, что за тип?

– Еще бы.

– Назвался Олегом, тачка с номерами нашего региона. – Я продиктовала номер. – Парень лет тридцати пяти, среднего роста, волосы темные, зачесаны назад. Особых примет нет, к сожалению.

– Не густо, но что-нибудь нароем. Тебе стоит быть поосторожней, раз уж у кого-то возник к тебе интерес, – сказал Лялин с сомнением.

– Не ко мне, – буркнула я и поспешила проститься.

Лялин, конечно, догадывался о том, что бранные останки Лукьянова искать на кладбище бессмысленно, хотя прямо мне об этом никогда не говорил. И о том, куда я исчезла из больницы, тоже догадывался. Собственно, я могла обратиться и к Ларионову с просьбой узнать, кто такой Олег. Но, зная его расторопность, предпочла своего старого друга. Если Лялин ничего не накопает, значит, это в принципе невозможно.

Я вертела мобильный в руке, двигаясь по коридору в сторону своего кабинета, и тут раздался звонок. Звонил Тимур, увидев его имя на дисплее, я вздохнула, вспомнив недавние угрозы Олега.

– Чем занимаешься? – весело спросил Тагаев, и у меня от сердца немного отлегло.

– Делаю вид, что работаю.

– Сможешь ненадолго удрать?

– А нужно?

– Еще как. Кстати, мое терпение на исходе, так что поторопись.

Он отключился, а я еще некоторое время разглядывала телефон в своей руке, прикидывая, чего следует ждать от жизни. Вряд ли Олег всерьез решил поговорить с Тимуром, он должен знать, что такая затея может плохо для него кончиться. Хотя анонимный звонок... «Чем скорее я узнаю, в чем дело, тем лучше», – решила я. Заглянула в свой кабинет, чтобы прихватить пальто и сумку, и отправилась на стоянку, где была моя машина.

Офис Тимура располагался в центре города, в солидном трехэтажном здании, но появлялся Тагаев там редко, предпочитая ему заднюю комнату ресторана «Шанхай», в которой обустроил себе кабинет. От старых привычек нелегко избавиться, что касается этой, то Тимур даже и не пытался.

К «Шанхаю» я подъехала через двадцать минут. Швейцар-китаец распахнул передо мной дверь с непроницаемым выражением на плоском лице. Я миновала холл, отметив, что парень возле конторки напротив входа, кивнув мне с улыбкой, тут же снял трубку телефона. Еще один приверженец старых привычек.

Подойдя к двери кабинета, я постучала и, услышав короткое «да», вошла. Тимур сидел за столом и с праздным видом поглядывал в окно, выходило оно во двор-колодец, так что разглядывать там было нечего.

Когда я вошла, он оттолкнулся от стола, подальше отодвигая кресло, и сказал серьезно:

– Дверь запи.

Улыбка, которую я только что нацепила на свою физиономию, сползла с нее, я повернула ключ и покосилась на Тимура.

– Что случилось?

– Не мог дожидаться конца твоего рабочего дня, – ответил он. – Да шевелись ты... – в этом месте серьезность его оставила, и он засмеялся.

– О господи, – покачала я головой, приближаясь к нему. – Ты совершенно спятил, – хихикнула я.

– Точно. Поторопись, пока я окончательно не свихнулся.

Пришлось и в самом деле поторопиться, на ходу стаскивая пальто, я бросила сумку на стол, задержав взгляд на двух фотографиях. На одной была я, на второй, свадебной, мы с Тимуром. Он ухватил меня за шею, притянул к себе. Желание пришло мгновенно, хоть я и злилась на него за дурацкую выходку.

Зазвонил телефон, но Тимур не обратил на него внимания, как, впрочем, и я. Потом звонили еще раза три, тоже безрезультатно. Наконец окружающий мир стал приобретать кое-какую ценность.

– Все-таки ты свинья, – покачала я головой, устраиваясь на коленях мужа. – Я летела сюда, не зная, что и думать.

– Я мог приехать сам, но ты вряд ли сказала бы мне спасибо.

– Разумно. Как дела? – спросила я, заглядывая в его глаза.

– Лучше не бывает. А у тебя?

– Ну... – Я засмеялась, Тимур приподнял меня и легонько шлепнул ниже спины. – Я могу вернуться к трудовым подвигам? – спросила я.

– К подвигам, да.

Он прижался ко мне теснее и шепнул на ухо нечто в высшей степени неприличное, я попыталась скроить скорбную мину, якобы поражаясь его невоспитанности, но вместо этого весело фыркнула. Все, что он говорил, мне нравилось. Еще больше нравилось то, что он делал. И еще нравилось доставлять ему удовольствие, так что сейчас наблюдалось полное единение душ. И тел, разумеется, тоже. Беспокойные мысли меня оставили, и, взглянув на часы, я не испытала ничего похожего на чувство вины, хотя мне следовало отрабатывать зарплату, а не заниматься любовью с мужем. Напротив, идея Тимура показалась мне стоящей, и покидать его кабинет я не спешила.

– Пообедаем вместе? – предложил он через некоторое время.

– Меня выгонят с работы, – вздохнула я.

– Вот уж будет мне радость, – засмеялся он.

– Ладно, остаюсь обедать. Работник из меня сейчас никудышный.

– Не скажи, – продолжал он веселиться. – Мне понравилось.

Он похлопал рукой по карману пиджака.

– Что ищешь? – спросила я.

– Заехал сегодня в магазин... – Тимур достал из кармана бархатный футляр. – Глаза закрой.

– Опять? – захныкала я. – Скажи на милость... – Глаза я все-таки закрыла, Тимур надел мне на палец кольцо. Открыв один глаз, я его разглядывала, надув губы. – Это какое по счету? – спросила с сомнением.

– Понятия не имею, – отмахнулся он. – Мне нравится делать тебе подарки. Слава богу, у тебя хватает ума от них не отказываться. Это на память о том, как я скучал по тебе, позвонил...

– И я прилетела сломя голову... – добавила я, он кивнул:

– И нам было хорошо вдвоем.

– Почему «было»? – спросила я, он обнял меня, и я прислонилась к его груди. Однако вскоре поинтересовалась: – Кормить будешь?

– Обязательно. Сказать, чтобы здесь накрыли, или пойдем в зал?

– А ты будешь ко мне приставать?

– Конечно.

– Тогда в зал.

– Я и там буду приставать, – засмеялся он и подтолкнул меня к двери.

Мы устроились в зале, официант отгородил нас ширмой от любопытных глаз. Впрочем, ресторан был почти пуст. Двум парочкам, что расположились здесь, было не до нас. Мы продолжали дурачиться, забыв про еду. Но мое настроение вскоре изменилось. Нелепая мысль вдруг пришла в голову, причем, не такая уж нелепая. Я была вроде счастлива, но как хрупко и ненадежно оказалось это счастье, лишь только я вспомнила о недавней встрече. Тимур, должно быть, уловил внезапную перемену во мне, потому что задал привычный вопрос:

– Ничего не хочешь рассказать?

– Прикидываю, стоит ли, – серьезно ответила я.

– Стоит, – так же серьезно сказал он.

Я вертела в руках салфетку, избегая его внимательного взгляда. Наконец решилась:

– Ларионов сказал, что появился какой-то тип из Москвы. Интересовался Лукьяновым.

Похоже, он не сомневается, что тот жив. – О встрече с Олегом я предпочла промолчать. Узнав о ней, Тимур приставит своих головорезов присматривать за мной. Мысль, что они будут везде таскаться следом, удовольствия мне не доставляла. Я очень сомневаюсь, что Олег может быть опасен, но убеждать в этом мужа труд напрасный.

Тимур сделал глоток из бокала и кивнул.

– Что ж, этого следовало ожидать. Позволить ему где-то болтаться – чересчур большая роскошь для них. Даже если бы он сидел тихо и не высывался. Но ждать от Лукьянова этого не приходится, он слишком бойкий парень. Так что... – Тимур развел руками.

– Вряд ли чей-то интерес к нему должен нас волновать, – не очень уверенно заметила я. Тимур усмехнулся. – В чем дело? – нахмурилась я, отбрасывая салфетку.

– Лукьянов меня интересуется мало, – помедлив, ответил он. – Меня интересуешь ты.

– Поясни.

– Ты хочешь, чтобы я облек в слова свои ночные кошмары? Ты о них и так знаешь.

– Нет, не знаю, – начала я злиться.

– Хорошо. Я скажу: меня очень волнует, как ты поступишь, если вдруг решишь, что жизни этого... что его жизни что-то угрожает.

– Я твоя жена, Тимур. И мое дело быть рядом с тобой.

Он криво усмехнулся.

– Твои слова продиктованы вот этим. – Он постучал пальцем по своему лбу. – А что вот здесь? – И он ткнул рукой в грудь.

– У тебя есть повод сомневаться в моей любви? – Теперь я не пыталась скрыть раздражения. Он смотрел на меня спокойно, внимательно, и под этим взглядом становилось не по себе.

– Он хотел, чтобы ты уехала с ним, – не торопясь продолжал Тимур. – Ты отказалась. Но тогда его жизни вроде бы ничто не угрожало.

– Да мне плевать на него, – не выдержала я. – У меня тоже имеется свой ночной кошмар. Хочешь, скажу какой? То, что сейчас у меня есть, разлетается вдребезги не оттого, что он появится, нет. От твоих сомнений. Попытайся поверить: я люблю тебя. И мне плевать на Лукьянова.

– Спасибо, – просто сказал он, и моя злость мгновенно улетучилась. Я положила руку на его ладонь, и он накрыл ее сверху своей. И улыбнулся. Мало кто мог похвастаться, что видел такую улыбку у Тимура. Если честно, мне кажется, что только я, то есть мне очень хочется в это верить. – Ты ничего не ешь, – засмеялся он.

– Кто бы говорил.

– Ешь, не то меня совесть замучает. – Он помолчал и продолжил: – На этого типа из Москвы, точнее, на некоторую суету, мы тоже обратили внимание.

Под словом «мы» Тимур подразумевал себя и своих соратников, а меня это слово вдруг покорило. Выходит, что есть «мы» и есть я. Это та часть жизни Тимура, куда мне нет доступа и о которой я предпочитаю ничего не знать.

– Я что-то сказал не так? – приглядываясь ко мне, спросил он, а я досадливо покачала головой.

– Иногда я думаю, что ты способен читать мои мысли. Я-то надеялась, «мы» – это ты и я.

– Так и есть. Ты и я. И я рад, что ты мне все рассказала.

– Жаль, что ты не догадался сделать то же самое, – против воли в моем голосе вновь звучало раздражение.

– Учту на будущее, – сказал он. – Со стороны Дедовых друзей это, скорее всего, вполне объяснимое беспокойство, не более. Ребята хотят быть уверены, что их не ожидает сюрприз, так что, если Лукьянов будет сидеть тихо, они успокоятся. Вопрос: можно ли ждать от него разумного поведения? Вряд ли. А если так, то... то их, вне всякого сомнения, заинтересуешь ты. Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу позволить...

– Вот только этого не надо, – перебила я. – Никаких ребят за моей спиной, даже из самых лучших побуждений. Если чье-то внимание начнет мне досаждать, я сама попрошу о помощи. Договорились?

Тимур кивнул, помедлив, однако я очень сомневалась, что мои слова он принял к сведению.

Тагаев проводил меня до машины, по дороге болтая о пустяках, захлопнул дверь «Феррари» и помахал мне рукой на прощание. Я усердно махала в ответ. Позвонила на работу с намерением узнать, обратил ли кто внимание на мое долгое отсутствие, но вместо того, чтобы поспешить в родные пенаты, свернула на ближайшем светофоре и направилась прочь из города, еще не отдавая себе отчета в своих намерениях. А когда они стали ясны, зло выругалась. Путь мой опять лежал в поселок Радужный, хотя еще вчера я клялась выбросить Риткиного соседа из головы. Скверно то, что я не рассказала о нем Тимуру. И не собиралась рассказывать. Причина вроде бы у меня была, веская причина. Но чувствовала я себя, несмотря на это, едва ли не предательницей.

– Надо разом покончить со всем этим, – хмурясь, решила я. – Взгляну на соседа и... – Я то и дело поглядывала в зеркало заднего вида, проверяя, не пристроился ли кто следом. Как будто нет. Если все же ребята Тимура у меня на хвосте, будет трудно объяснить мужу, куда я несусь с такой прытью. Хотя вряд ли он спросит. В этом все дело... Черт, почему два близких человека не могут быть откровенны? Кто в этом виноват? Ну вот, виноватых ищу. Если бы я всерьез подозревала, что Риткин сосед – это Лукьянов, непременно рассказала бы о нем мужу. Я просто не хочу, чтобы Тимур решил, будто я спятила, и... Так, смотри на дорогу и заткнись.

На этот раз я не стала подъезжать к Риткиному дому, бросила машину на шоссе, возле указателя «Поселок Радужный», и лесом направилась к дому номер двадцать три. Мне не хотелось раньше времени привлечь внимание хозяина.

Забор со стороны леса завалился и, казалось, рухнет при одном моем прикосновении. Нечего было и думать перелезть через него. Я разглядывала забор, прикидывая, как поступить, пока не заметила калитку возле поленицы дров. Это вполне разумно со стороны хозяев: попасть в лес можно сразу из огорода.

Я приблизилась, подергала калитку, она оказалась заперта на крючок. Дотянуться до него рукой с этой стороны было проще простого. Радуюсь такой удаче, я вошла, заперла калитку, посмотрела на дом. Впрочем, весь дом увидеть отсюда было невозможно, только каменную пристройку, где была котельная, да крышу. В огороде еще лежал снег, я шла по нему, оставляя

глубокие следы. Коляски возле крыльца не оказалось, в остальном все было точно так же, как в мое прошлое посещение.

Я постучала в окно, то, что рядом с входной дверью. Тишина. На этот раз тень за окном не мелькала, ничего такого, что бы указывало на присутствие человека в доме. Я постучала еще раз. Потом забарабанила в дверь. Открыть мне не желали.

Отсутствие коляски могло означать, что хозяева куда-то отправились, например, гулять. Однако у меня в этом были сомнения. Косясь на соседние дома и пытаясь угадать, успел ли кто-то обратить на меня внимание, я подергала дверь. Заперто. Стоять здесь и дальше было бессмысленно. Я пошла в сторону задней калитки с намерением побыстрее покинуть это место, но добралась только до двери кирпичной пристройки. Она выходила в огород. На двери висел навесной замок. Оглядевшись еще раз, я покопалась в сумке и нашла пилку для ногтей. Был у меня давным-давно друг по имени Марк, большой специалист по всякого рода замкам. Так вот, он утверждал, что открыть такой замок не проблема. Это для него, а вот для меня...

Замок открылся до неприличия легко, так что я, настроившись на тяжкие труды, даже слегка разочаровалась. Вынула его из петель и вздохнула. Если кто-то из соседей меня заметил, вполне может вызвать милицию. С ментами я еще договорюсь, а вот если появится хозяин дома... Разумные мысли отнюдь не остановили меня. Я потянула на себя дверь и вошла в сумрак пустого коридора. Отсюда вели две двери: одна в котельную, другая в кухню. Старенький гарнитур, плита, стол, застеленный потертой клеенкой. Бедно, чисто и никакого намека на недавнее присутствие хозяев. Чайник холодный, кастрюли пустые, правда, в шкафчике стояли пакеты с крупой и пачка соли. Кухонная дверь была открыта, и отсюда я видела комнату, что-то вроде гостиной. Диван, стол, несколько стульев, в простенке между окнами зеркало в раме, фотографии на стенах, старые, успевшие пожелтеть. Я осторожно прошла в комнату рядом. Это была спальня. Кровать у окна, покрытая старым одеялом, подушки без наволочек. Шифоньер со скрипучими дверями был пуст. Я осмотрелась. Дом выглядел так, будто его давно покинули. Никаких вещей – ни мужских, ни детских. Только старая мебель, которую поленились вынести на помойку.

Я села на стул, продолжая оглядываться, успев забыть о том, что кто-то может заинтересоваться моим странным поведением. Итак, Риткин сосед по имени Сергей покинул этот дом по неизвестной причине. Не таясь, я еще раз прошла по помещению. Никакого намека на то, что вчера здесь жили люди: мужчина и ребенок. Наверное, именно так все выглядело здесь, когда дом пустовал после смерти хозяйки. На полу старенький половичок в полоску. Направляясь к двери, я заметила, что один край половика чуть приподнят, наклонилась, сунула под него руку и нащупала пластмассовое колечко. Такое дают детям, когда у них режутся зубы. Я повертела его в руках и вдруг заревела, то ли от тоски, то ли от досады, поди разберись.

По улице проехала машина, и это вернуло меня к действительности. Сунув колечко в карман пальто, я быстро покинула дом. Вернула замок на его законное место, заперла и для верности подергала.

Оказавшись в машине, в бардачке я нашла листок бумаги с адресом Сухова. Мне не терпелось выяснить, куда так поспешно исчез его постоялец, оттого из Радужного я направилась по месту его жительства. Смена Сухова была вчера, следовательно, сегодня он, скорее всего, дома.

Подъезжая к девятиэтажке, где жил Сухов, я пыталась представить предстоящий разговор, прокручивала разные варианты. Рассчитывать на то, что сторож обрадуется моему визиту, судя по нашей предыдущей встрече, не приходилось, а для того, чтобы заставить его рассказать о постояльце, требовался предлог посущественнее моего праздного любопытства.

Возможно, жилец поспешно покинул дом в Радужном, имея на то свои причины, о которых я понятия не имею, но в глубине души я не сомневалась: причина как раз и есть мое внезапное любопытство, не пришедшееся ему по вкусу. Допустим, он просто не любит любопыт-

ных, однако я уверена: для этого у него должен быть серьезный повод. В общем, неизвестный квартирант интересовал меня все больше и больше, а стоящей идеи, как разговорить Сухова, не появлялось. Подозревая, что и этот визит может быть напрасным, я с печальной миной направилась к первому подъезду, оставив машину во дворе дома.

Дверь мне открыла девушка лет семнадцати в коротком розовом халатике и полотенце на голове, мокрая прядь волос выбилась из-под него. Юное личико не блистало красотой, но смотреть на девушку было приятно.

– Здравствуйте, – сказала я и широко улыбнулась, надеясь на ответную улыбку. Она кивнула, глядя на меня с изумлением и настороженностью. – Могу я увидеть Игоря Сергеевича? – Девушка продолжала таращиться, не отвечая. – Он дома? – поторопила я. Она отрицательно покачала головой, потом вдруг спросила:

– Вы кто?

– Рязанцева Ольга Сергеевна, – представилась я, лелея в душе надежду, что меня пригласят войти, но эта мысль девушке в голову не пришла.

– Я вас где-то видела, – будто размышляя вслух, произнесла она.

– Возможно, – не стала я спорить.

– Вы ведь не его... нет... точно. Да это смешно, – она фыркнула и продолжала любоваться моими небесными чертами.

– А пояснее нельзя? – подала я голос.

– Что? – растерялась девушка.

– Чего такого смешного во мне вы увидели?

– А... нет. Это я про отца. Зачем он вам понадобился?

– Если не возражаете, это я ему растолкую. Так где его можно найти?

– Наверное, у его кикиморы, – презрительно хмыкнула девушка.

– Кто у нас кикимора? – развеселилась я.

Она хихикнула и пожала плечами:

– Папаша влюбился. Ага. Спят на старости лет. Его баба нам телефон оборвала, я и подумала... только это смешно. Зачем вам мой папаша?

– Он мне нужен до зарезу, но это не имеет никакого отношения к его семейному счастью. Может, мы с вами потолкуем? – решила я.

– Заходите, – кивнула девушка, пропуская меня в тесную прихожую. – Господи, – всплеснула она руками. – Я же вас по телику видела... конечно. – От ее резкого движения полотенце с головы упало, и мокрые волосы рассыпались по плечам, она звонко рассмеялась. – Я вас за отцовскую любовницу приняла, вот дура...

– Да я не против, лишь бы вам было в радость.

– Проходите, – засуетилась она. – Я одна дома, мама в больнице. Это папаша ее доконал. Разводиться собрался. Совсем спятил. Нашел какую-то тетку, представляете? У нее двое детей, а ему и горя мало. Мама боится, что он квартиру начнет разменивать, тетка в малосемейке живет. Они с моим батей любовь на кухне крутят. Гадость, правда?

– Не знаю, не пробовала. В смысле, любви на кухне.

Девушка устроилась на узеньком диванчике рядом со столом, я пододвинула табурет и села, из-за малых размеров кухни мы едва не касались коленями друг друга.

– Как вас зовут? – спросила я с улыбкой, смотреть на нее без улыбки было невозможно, она напоминала пушистого зверька, умиротворенного и трогательного одновременно. «Розовый пушистик» – первое, что приходило в голову при виде этого круглолицего создания в розовом халате.

– Лена, – ответила она. – Вы с отцовой работы? Ой, что я говорю... Вы ведь на телевидении работаете?

– В администрации, – туманно ответила я. – На телевидение меня иногда приглашают.

– Здорово. Я хотела быть артисткой, но мама заставила в техникум поступить, финансовый. Скука... – Она недовольно сморщила нос.

– У отца давно роман? – не стала я церемониться, уверившись: поболтать девушка совсем не прочь.

– Ой, роман... не смешите. Загулял он на старости лет.

– Не такой уж он и старый, – улыбнулась я, подозревая, что для девушки и я уже тетя, в ее возрасте тридцатилетние женщины казались мне едва ли не старухами.

– Да я против отца ничего не имею, – загрустила Лена. – Просто маму жалко. Она так переживает... Его кикимора ей позвонила, мама понятия не имела, что у отца кто-то появился, ну дежурит он и дежурит... И вдруг такое... ужас, что было. Мама кричала, а он взял и ушел. Представляете? Я замуж не пойду, вот так живешь, живешь, и здрасьте... Свиньи они все.

– Мужчины?

– Конечно.

– Давно он ушел?

– На прошлой неделе.

– Адрес этой женщины знаете?

– Конечно. Мама к ней скандалить ходила. Я отговаривала, но она не послушала. Я возле подъезда ждала, ужасно стыдно, но маму жалко. Улица Ногина, дом пять, квартира семьдесят девять, – скороговоркой закончила она.

– У вас ведь есть дом в поселке Радужный?

– У отцовой тетки. Только она умерла. Ее дочери дом не нужен, а отцу там всегда нравилось. Он деньги отдал, а дом не оформил, мама говорит, уже тогда разводиться надумал и не оформлял, чтобы с нами не делиться. Папаша называется, – она опять фыркнула, но отнюдь не с обидой, скорее весело.

– Кому он сдал этот дом, вы знаете?

– Да не сдал, друг его там живет.

– С ребенком?

– Ага. Жена у него умерла, а ему жить негде.

– Что значит «негде»?

– Не знаю. Отец так сказал. Пусть, говорит, поживет. Мама не возражала, мы ведь не знали, что он дом-то купил, это уж потом мать позвонила его родне...

Далее последовал довольно бестолковый рассказ, суть его сводилась к следующему. Наличие у отца денег, и немалых, явилось для семейства неожиданностью, хотя папаша всегда был жмотом и вполне мог скопить эту сумму, но тот факт, что деньги были скоплены в законном браке, а теперь отходили супругу, произвело на мать Лены такое ошеломляющее впечатление, что она слегла в больницу. Коварство родителя не укладывалось и в Лениной головке, похоже, она могла говорить об этом часами, и я поспешила вернуть разговор к интересующей меня теме.

– Что вы знаете об этом друге? Давно отец с ним знаком?

– Они вроде служили вместе. Отец у меня военный... был. Ну вот, где-то вместе служили и подружились.

– Имя, фамилию друга знаете?

– Вроде Сергей его зовут, а фамилию я не знаю.

– Он из нашего города?

– Наверное. Хотите, я маме позвоню?

Я не успела ответить, как Лена уже схватила мобильный и набрала номер. У меня не было уверенности, что мать поспешит ответить на мои вопросы, но женская часть семейства поболтать любила, так что можно было считать, мне повезло.

– Мам, тут про отцова друга спрашивают. Того, что в Радужном живет. Из администрации интересуются. Как его фамилия, ты знаешь? – Лена сунула мне в руку трубку, и я услышала хрипловатый женский голос:

– Никакой он ему не друг. Служили вместе, это да. Но даже не очень-то общались. Я этого Арапченко вообще не помню, так какие они друзья?

– А что с его женой произошло?

– Мой сказал, что она умерла, ребенок родился, а ее спасти не смогли. Я, конечно, расчувствовалась и возражать не стала против того, чтоб он в Радужном жил, только боялась, как бы мужнина родня не начала возмущаться, еще скажут, что мы на их добре наживаемся. Они ведь нас просили за домом приглядеть, и я тогда знать не знала, что этот гад его купил. Вот ведь...

Почувствовав, что мне предстоит еще раз услышать историю об утаивании денег от семьи, я поспешила вмешаться:

– Арапченко жил в нашем городе или он приезжий?

– Не знаю. Да я вообще о нем ничего не знала, и вдруг – здравствуйте, пожалуйста. Да если бы не ребенок... Нет, он точно приезжий, – перебила себя женщина. – По крайней мере, раньше где-то в районе жил. Не помню, где точно. Мой муж его на работу устраивал, когда Арапченко из армии уволился... или он мужа в район на работу звал, не помню... это давно было, лет десять прошло, нет, больше, Ленка еще совсем маленькая была, а мы только-только сюда приехали. Лет четырнадцать назад. Ужас, как быстро время летит. А служил он с моим, когда Ленка родилась, мы тогда в Омске жили...

– Мама, покороче давай, – не выдержала Лена. – У меня денег на телефоне не останется. Это подействовало, мать спешно простилась, а я вернула телефон девушке.

Уже сидя в машине, я с прискорбием констатировала: времени потрачено много, а ничего ценного я не узнала, кроме фамилии Риткиного соседа. Хотя и это кое-что. Вопрос: что делать дальше? «Выбросить его из головы», – решила я. Но не тут-то было. По словам жены Сухова, Арапченко служил вместе с ее мужем. Лукьянов тоже воевал... Чушь. Лукьянов никогда бы к нему не обратился. Это след, а следов Саша оставлять не любит. Хотя специально для меня мог и постараться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.